

июнь 6/88

Советский

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ISSN 0131-5994

Письма из Америки

На этих страницах редакция предлагает вашему вниманию выдержки из писем, адресованных американцами Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву, публикацию которых отдельной книгой готовит издательство «Прогресс».

Вестпойнт, штат Калифорния,
4 июня 1987 г.

Уважаемый Генеральный секретарь Горбачев,

Вам пишет Броди Бикел. Мне 17 лет, я учусь в средней школе в Соединенных Штатах. Пишу Вам, надеясь, что сумею объяснить, как относятся к гонке ядерных вооружений большинство американцев.

Говорить о сокращении вооружений легко, но сделать что-нибудь для этого совсем непросто. Вот уже 40 лет наши страны обсуждают контроль над вооружениями, провели 7000 встреч, в том числе 13 встреч на высшем уровне (после войны), а существенных договоренностей достичь не удалось.

Я интересуюсь государственными делами и поэтому могу судить о политических проблемах, связанных с сокращением ядерных вооружений. Все они сводятся к следующему: ни одна из сторон не доверяет другой настолько, чтобы полностью ликвидировать ядерное оружие, если даже не удастся достичь такого соглашения. Атмосфера политического недоверия усилилась после второй мировой войны, и сейчас все решает вопрос: сумеет ли какая-нибудь из сторон уцелеть в ядерной войне. По моему мнению — нет! Но и в том, и в другом правительстве есть люди, которые верят, что, имея сильную противоракетную оборону и такое же мощное наступательное оружие, можно одержать победу.

Это, однако, совершенно безумная мысль. Ученые обеих стран убеждены,

что если хоть одной из сторон будет нанесен ядерный удар, то весь мир погибнет от ядерной зоны: радиационное облако распространится по всему миру, убьет животную и растительную жизнь, закроет доступ к Земле солнечным лучам. Наша планета замерзнет, жизнь на ней исчезнет.

И вот мне хочется спросить: поскольку в ядерной войне не будет победителя, зачем же создавать это жуткое оружие уничтожения? Я считаю, что нам нужно достичь окончательного всеобъемлющего соглашения. Такого соглашения, которое полностью предотвратило бы создание ядерного оружия в будущем, обеспечило уничтожение всех существующих ядерных вооружений и установило в качестве жеста доброй воли периодическую инспекцию на местах за соблюдением обеими странами такого соглашения.

Если между нашими странами будет достигнута такая договоренность, отношения между ними останутся дружественными и будут укрепляться на основе участия в совместных предприятиях на Земле и в космосе. Вспомним, что в середине семидесятых годов, когда отношения между нашими странами были напряженными, мы предприняли совместный космический проект «Союз» — «Аполлон», направив соединив американский и советский космические корабли. К сожалению, это начинание не было продолжено другими полетами, когда отношения между нами стали менее напряженными. Успех проекта «Союз» — «Аполлон» показал, как мы

можем работать вместе ради общей цели. Если сегодня мы не приступим к сотрудничеству, то завтра, возможно, будет поздно — не станет самого мира.

С искренним приветом,

Броди Бикел

Гранд-Хейвен, штат Мичиган,
28 сентября 1987 г.

Уважаемый г-н Горбачев,

я решил написать это письмо отчасти потому, что оно касается вопросов, затрагивающих как лично меня, так и весь остальной мир.

Немного о себе. Мне четырнадцать лет. Я обычный подросток, хотя занимаюсь по программе ускоренного обучения, и почти круглый отличник. Теперь Вам понятно, что я — не какой-то невоспитанный ребенок, которому просто нужно «разрядиться».

Наша семья — это я, мама, папа и две мои сестры. Папа служит в береговой охране. Мы переезжаем с места на место примерно раз в три года, поэтому я и живу здесь всего пару лет. Мама работает продавщицей в фармацевтическом отделе продуктового магазина. Старшей из моих сестер — девятнадцать лет, она собирается поступить в бизнес-колледж, а младшей — шестнадцать, она учится в Сан-Карлосе, в Бразилии, по линии программы обмена учащимися «Ротари».

У меня очень интересные планы на будущее. Моя главная цель — это, конечно, мир во всем мире. Надеюсь, такая цель у всех людей. Так и должно быть. И еще я хочу работать в сфере международных отношений, потому что она меня очень интересует. Кроме того, хочу заняться защитой окружающей среды — борьбой с загрязнением в результате аварий на атомных электростанциях, последствиями кислотных дождей и нарушениями озоновой оболочки над Антарктидой.

Но пишу я не только для того, чтобы рассказать о себе. Нам задано раскрыть две темы: почему мы должны стремиться избежать ядерной войны и что нужно сделать для того, чтобы предотвратить ее.

Есть много причин, в силу которых нужно стремиться избежать ядерной войны. Во-первых, она нанесет необратимый ущерб, как краткосрочный, так и долгосрочный, планете Земля. Во-вторых, она не оправдает своих целей. Она уничтожит весь мир, и люди, которые начнут ее, сами погибнут, пытаясь выиграть в игре, в которой не может быть выигравшего. Пытаясь победить другую страну, мы уничтожим собственную. И еще ядерная война покажет, насколько люди глупы. Она уничтожит знания, накопленные миллионами людей, многими поколениями ученых. Вообще, если ядерная война разразится, то она отбросит цивилизацию в первобытные времена, когда люди пользовались каменными орудиями труда и верили в богов солнца и погоды. Сама угроза войны ограничивает интеллектуальный кругозор детей, которые прежде всего взрослеют оттого, что им приходится думать о ней.

Есть очень много способов предотвратить такое ужасное событие, как война. Конечно, некоторые идеи неосуществ-

вимы — например повернуть время вспять и избежать возникновения ядерного оружия (мы понимаем, что это невозможно). Но есть пути предотвращения войны. Например, некоторые могущественные страны, такие, как США и Советский Союз, могли бы выработать очень жесткий договор о мире, договориться об уничтожении ядерного оружия и о проведении ежегодных встреч. Все это было бы еще эффективнее, если бы наши страны, действуя совместно, уничтикли бомбы и другое оружие в малых странах, стремящихся к власти. Таковы некоторые из моих собственных соображений о том, как избежать войны, которая будет иметь непосредственные последствия для моей жизни.

Искренне Ваш,

Деб Харко

Бозмен, штат Монтана,
16 ноября 1987 г.

Уважаемый г-н Горбачев,
меня беспокоит будущее мира. Нашим странам необходимо стать друзьями, а не врагами. Насколько лучше стал бы мир! Я знаю, что Вы вынуждены говорить своему народу плохое о Соединенных Штатах, поскольку наше правительство и средства массовой информации внушают нам, что мы должны остановить коммунистов — в Центральной Америке, в Южной Америке, во Вьетнаме и т. д. Коммунисты меня не беспокоят. Наше правительство использует вас просто как предлог. В действительности оно защищает интересы бизнеса. Его заботят лишь деньги и власть.

В нашей стране существует большой разрыв между богатством и бедностью. Богатые становятся богаче, бедные — беднее. У нас тысячи бездомных людей, живущих на улице. У нас есть престарелые, которые заболели и в конце концов потеряли все, что имели, чтобы оплатить медицинские счета. А наше правительство тратит миллиарды долларов на ядерное оружие. Соединенные Штаты — огромная «машина жадности». Получается так, что деньги, тяжко заработанные нами, налогоплательщиками Соединенных Штатов, уходят на оплату ядерного оружия, поддержку войн в зарубежных странах. Мне это не нравится!

Я знаю, что ваша страна тоже расходует миллиарды долларов на оборону, но я восхищена тем, что вы, по крайней мере, пытаетесь улучшить положение вещей. Подумайте только о триллионах долларов, которые можно сэкономить, если достичь всемирного соглашения о прекращении производства ядерного оружия! Эти средства можно использовать на оздоровление окружающей среды, помочь голодющим...

Спасибо за внимание!

Искренне Ваша Джоэнн Силия

Лафайетт, штат Калифорния,
7 января 1988 г.

Уважаемый г-н Горбачев,
мне 13 лет. Живу в Калифорнии, США. Все мои устремления связаны с устранением и предотвращением любой возможности ядерной войны. Совсем не-

давно я организовала группу детей со всего света, которая называется «Поход детей». Я не просто занимаюсь делами «Похода детей», но являюсь его основателем и президентом.

В будущем я бы хотела ездить с выступлениями и пропагандировать свои идеи о мире и о том, как любой желающий может помочь моим детям (члены «Похода детей» не могут быть старше 16 лет).

Разумеется, я очень беспокоюсь о своей стране, о всем мире и по этой причине обращаюсь к Вам за помощью.

Я не просто прошу, я молю Вас о помощи. С Вашей помощью и с помощью многих других людей я и группа «Поход детей» может влиять на мнения людей по всему свету, чтобы сделать нашу жизнь более безопасной. (Я имею в виду, что дети моего возраста будут меньше бояться ядерных взрывов.) Надеюсь, что это письмо окажется полезным, на что я и рассчитываю.

Искренне Ваша, Джоанна Мария Мейер

Сомерсет, штат Пенсильвания,
22 августа 1987 г.

Уважаемый Генеральный секретарь Горбачев,

мне 18 лет, я гражданин США. Хочу выразить свое восхищение реформами, осуществлямыми в СССР.

Учитывая то, что советские бюрократы воспринимают эти перемены с большой неохотой, считаю, что Вы очень мужественный человек. Уверен, что эти перемены пойдут на пользу не только СССР, но и всему миру. Желаю Вам больших успехов.

Дэвид Г. Рейли, младший

ОТ РЕДАКЦИИ.

Внимание!

Этот номер «Ровесника» набран на фотонаборной системе «Бертолд» (Австрия), оснащенной компьютером. Использование компьютера в издательском деле сулит много преимуществ и имеет один недостаток: размещая текст на полосе, компьютер не соблюдает правила переноса.

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН. Югендтаг — День молодежи — ежегодно проводится в этом «городе-государстве». В мероприятиях участвуют молодые рабочие и безработные, молодые семьи, студенты и школьники самой разной политической ориентации. Здесь можно испытать свои силы на аттракционах и в политических дискуссиях, познакомиться с теми, чьи мысли, вкусы и поступки отвечают твоим собственным убеждениям. Проводит Югендтаг Социалистический союз молодежи имени К. Либкнехта при поддержке и участии многочисленных молодежных групп, союзов и объединений города. А снимок, сделанный на этом празднике Г. ПАШКОВЫМ, помещен на первой странице обложки.

В НОМЕРЕ:

2. ПИСЬМА ИЗ АМЕРИКИ
4. СМОТРИТЕ
6. Владимир Симонов. МЫ ТАК ИСКРЕННИ
8. Александр Черносвитов. А ВАМ ХОЧЕТСЯ ПОБЫВАТЬ В ДАЛЬНИХ СТРАНАХ?
9. Анди Дрееслер, Лучо Лэмми. ТРИ ПОРТРЕТА ЧЕ
11. В. Головин. «ЯПОНСКИЙ ФЕНОМЕН»
13. Цхан Қсиннисин, Санг Ие. МНЕ 13
14. Лили Фрэй. КРАСОТА СПАСЕТ МИР
15. РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»
18. Рид Броуди. ПОПРОБУЙТЕ УБЕДИТЬ МАШИНУ
18. Фурю Коломбо. В ЖИЗНЬ — ЧЕРЕЗ ТЮРЕМНУЮ КАМЕРУ
20. Сэлли Тисдейл. ОТ ЭТОГО МОЖНО СВИХНУТЬСЯ
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Гарри Каспаров. ИНТЕРВЬЮ СО ВСЕМ МИРОМ
28. Джон Ронуэлл. СУБСИДИИ — РОКУ?
29. Сергей Козицкий. БУДЬ ГОЛОДНЫМ
30. Иегуди Менухин. ИОГАНН СЕБАСТЬЯН БАХ

6/88 Ровесник

Главный редактор
А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия:
В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ,
Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ,
С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО,
В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ,
Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ,
С. Н. ЧЕЛНОКОВ

Художественный редактор
Т. Н. Филипповская
Оформление художника
А. Л. Анисимова
Технический редактор
М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва,
ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны: 285-89-20 — для спра-
вок, 285-80-62 — отдел писем.

Перепечатка материалов разреша-
ется только со ссылкой на ежеме-
сячник.

Сдано в набор 05.04.88. Подписано
в печ. 13.05.88. А03086. Формат
84x108¹/16. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-
изд. л. 5,5. Тираж 2 400 000 экз. Цена
35 коп. Заназ 86.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое
объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия». Адрес ИПО: 103030,
Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул.,
21.

Наблюдая жизнь в ГДР, убедился, сколь ошибочно мнение, что в соцстранах все-все кан у нас.

Но начнем хотя бы с уличных часов, с этого барометра немецкой пунктуальности. Ни разу не встретил в республике часов отстающих, спешащих или стоящих. Очень уж у нас разное отношение к времени. Рассчитывая его, мы всегда уверены, что все сломится самым благоприятным образом — и лифт онанется рядом, и автобус-троллейбус подойдет и остановится одновременно с нами. А в немецком характере часы и минуты отсчитываются, исходя из самого неблагоприятного варианта.

Перенуры? Два раза по пятнадцать минут, не считая обеденного перерыва. Зато остальное время действительно рабочее.

Уровень жизни? По моим прикидкам, раза в полтора-два выше нашего. Надо ли говорить, что производительность труда превосходит нашу тоже вдвое?

Отношение к деньгам? «Гросбух» домашних расходов-доходов ведут в каждой семье, удивляются: а кан же иначе?

Отношение к детям? Недоумеваю, если годовалого ребенка нормят с ложни. Если в два он не одевается сам. И если к пятнадцати он не определился в выборе профессии.

Г. ПАШКОВ. Фото автора

СМОЛДОМ

МЫ ТАК ИСКРЕННИ

Владимир СИМОНОВ,
наш спец. корр.

Репортаж из "Нооруса" о программе политического туризма, осуществляющейся БММТ "Спутник"

Честно сказать, ваш корреспондент настроен скептически: слова — что меняют они, прозвучав в зальчике где-то под городом Нарвой в молодежном лагере "Ноорус"? Поговорили — разъехались по дальним странам в Европу, Америку, Австралию...

— Есть дополнения к программе? — вопрос руководителям зарубежных делегаций задает Александр Черносвитов, зампред "Спутника".

Ваш корреспондент проглядывает программу: 6 дней, 4 круглых стола, 8 дискуссий о войне и мире; культурная часть — выставка картин "Тени Хиросимы", фильмы "Иди и смотри", "Письма мертвого человека", "Покаяние", "Легко ли быть молодым"; плюс марш мира, трудовой десант — не слишком ли? Ведь они приехали сюда провести отпуск, оплатив полную стоимость путевки.

Дискуссии проходят в зале, где на насконо сколоченных подставках расставлены картины художницы из Гамбурга Илки, стулья по кругу, чтобы все друг друга видели. Со многими участниками ваш корреспондент уже знаком.

Две австралийки, Наташа и Нанесса, закончив школу, были в Англии на каникулах. Узнав о путевках "Спутника", устроились на работу в "Макдональдс" в Лондоне и за три месяца накопили нужную сумму.

Кен, американец, говорит, что война — в сознании людей, призвавших насилие неизбежностью, естественной для человека. Кен — врач-психиатр, утверждает: отказ от стереотипов мышления — первая задача борьбы за мир.

Жоанна из Швеции, у нее красивые умные глаза, в прошлом году закончила школу, вступила в либеральную партию, в организацию "Сотрудничество за мир". Она считает: нужно сделать так, чтобы мирный бизнес приносил промышленникам более высокую прибыль, чем военный, — тогда исчезнет стимул гонки вооружений.

Глен, высокий, худой, рыжебородый, священник лютеранской церкви из города Отелло, штат Вашингтон, член организации "Добровольцы за мир", убеждает бороться за возвращение к традиционным человеческим ценностям.

Ярослав, светлый, мягкий в обращении поляк, рассказывает об "инициативе чистых сердец", как они ходят по улицам, знакомятся с прохожими, жмут друг другу руки. Борьба за мир — это и освобождение от эгоизма.

Хельга, худая, коротко стриженная финка, представляющая организацию "Международная гражданская служба", говорит: "Лучший способ понять друг друга — поработать вместе". Они собираются в интербригады, строят, ремонтируют дома, собранные средства передают в помощь народам Никарагуа, Намибии. "Наш труд — начало всеобщего сотрудничества людей".

Дискуссию ведет Ник (Николай Луценко, преподаватель МГИМО), подтянутый, спортивный, умеющий слушать и говорить. Но стихийно возникает второй ведущий — американец Бад, худой, белобрысый, заводила по натуре: просто не утерпел, взялся за другой конец дирижерской палочки. Кто-то шутит: "Наконец-то, две сверхдержавы в одной упряжке".

Бад руководитель организации "Уиндстар фаундейшн". "Уиндстар" старается раскрыть возможности борьбы за мир для каждого, любого человека. Вдруг Бад подвинулся к Николаю и обнял его: "Мы любим друг друга! Мы вместе. Чем больше людей смогут это сказать, тем скорее наступит мир!"

Ваш корреспондент разглядывает лица, слушает, все меньше его скептицизм: да, слова — такие же, какие говорим мы, люди — такие же, как мы... Простите за пафос, но на языке так и вертится: люди всех стран, объединяйтесь!

На выставке Илки поразила картина: издали кажется, изображен череп, но при приближении видно — это мозаика из маленьких фотографий детских лиц.

Смотрят радостные глаза — и подпись: "Смерть смотрит на тебя глазами твоего ребенка".

У вашего корреспондента нет детей, но он обычный и мечтает, что и у него будет маленький человек, который продолжит радость жизни.

Дождь шел всегда, море было серым, пляж пустым. Фотокорреспонденты и киногруппа ругали погоду в ожидании света, туристы щелкали маленькими фотоаппаратами: вот долгая-долгая, насколько хватает глаз, полоса мокрого песка, далеко фигура Илки. Она молчалива, любит бывать одна. Пусть говорят картины. Бежит Бад, перебирает жилистыми ногами. Сейчас он ползет в холодное море. На скамейке разговаривают двое под зонтом. Щелкает фотоаппаратик, я улыбаюсь в объектив: "Привет, Кристина". Мое лицо тоже как море, дождь, бегущий Бад, Илка вдали вошли в мозаику ощущений, событий, десятков лиц на десятках любительских пленок, отснятых под дождем.

Кристина из Швейцарии, из Цюриха, но предпочитает жить в деревне, увлекается горными лыжами, знает английский, французский, итальянский, немного русский, учится в университете, пишет стихи, иногда чувствует себя одинокой. Ей, наверное, восемнадцать, у нее простое нежное лицо. Мы говорим о книгах и стихах, о людях, которые нравятся и нет, иногда Кристина всплескивает руками: "Слушай, но ведь и я думаю точно так же!"

Мы с Кристиной друзья. Я улыбаюсь ей, когда мокрые, в шортах и кроссовках, она и Бад вкатываются с улицы в холл и хохочут — они победители. Вокруг все в свитерах и куртках пережидают дождь.

Дождь льет. Зонты не у всех. Наш марш мира выходит на шоссе, уже перегороженное автомобилями ГАИ. Любительские фотоаппаратики записывают в память слипшиеся от дождя волосы людей, текущую краску на самодельных плакатах, где нарисовано солнце.

Обнявшись, чтобы идти компактнее под одним зонтом, Эндрю и ваш корреспондент топают по лужам и разговаривают. Говорим о фильме, который только что посмотрели, — "Иди и смотри" Элена Климова. Иностранные выходили из зала, ваш корреспондент разглядывал лица и думал: "Почему у меня такое чувство, будто я сам поделился с ними сокровенным?"

"Страшно, — говорит Эндрю, — но я должен был это увидеть". Вдоль мокрого шоссе стоят жители городка и машут руками, их фотографируют демонстранты, Эндрю тоже машет рукой.

Эндрю из Ирландии, представитель "Ирландского института мира". Организация только что создана, и Эндрю приехал в "Ноорус" изучать опыт "политического туризма". Следующим летом он хочет организовать подобный лагерь в Ирландии.

Эндрю считает, что международные дискуссии помогают людям сформулировать правильный взгляд на мир. В итоге — должно произойти изменение массового сознания, вытеснение идеологии страха. "Так быстро все движется в последнее время, что, возможно, рост доверия людей друг к другу совершил нечто такое... революцию в отношениях людей".

Манфред, высокий, с аккуратной бородкой, учитель из Стокгольма, член организации "Международная гражданская служба", шлепает по лужам в красных сабо, рассказывая, как прошлым летом они работали в Ирландии. "В Ирландии — многодетные семьи, в некоторых до восемнадцати детей. У родителей никакого досуга, никакой возможности для общественной деятельности. Мы предложили помочь, то есть на время стали домработниками, обстирывали, кормили ирландских детей, пока их родители отдыхали".

В Стокгольме у Пера пропал чемодан с вещами. Он промок под дождем, но говорит, возьмет сухие вещи у кого-нибудь, когда вернемся в "Ноорус". Ему восемнадцать, член партии "Зеленых", входит в организации "Объединенные нации за мир", "Сотрудничество за мир", уверен, впереди его ждут героические дела. "Моя жизнь только началась. Возможно, совершу нечто, как братья Берриганы (активисты движения за мир в США, подвергнуты тюремному заключению за символический акт протеста против ядерных ракет: пробравшись на стартовую площадку, стучали молотками по бетонной поверхности пусковой шахты. — Здесь и далее прим. ред.), или как тот парень, про которого сейчас расскажу. Мы заблокировали проход американским военным кораблям в шведский порт: целая армада парусников и весельных лодок заполнила горловину залива. Какой-то парень выпрыгнул из лодки на проплывшую мимо американскую субмарину, облил ее желтой краской и запел "Иеллоу субмарин" ("Желтая подводная лодка", песня "Битлз"). Без юмора нельзя".

Полная, живая, с быстрыми глазами, американка Кэти четыре года назад ра-

ботала на советском рыболовном судне (между СССР и США существует договор о совместном промысле рыбы в американских территориальных водах). Она помнит огромный снимок в журнале "Лайф": советские и американские рыбаки после удачного улова, советский и американский флаги рядом.

"Сначала все шло отлично. Я подружилась со многими членами советской команды. Но потом вдруг почувствовала, что меня избегают. Оказывается, кому-то из начальства наши разговоры показались слишком откровенными: ведь я представитель страны — идеологического противника, значит, и сама идеологический противник. Но мне-то просто нравились люди. Было очень обидно. Я снова вместе с советскими людьми и рада, что меня воспринимают не как противника — но как союзника".

Марш мира останавливается. Чтобы согреться, промокшие демонстранты затеяли игру: взявшись за руки, танцуя по кругу, распевают песни про Лауренцию (каждый раз, когда звучит имя Лауренция, нужно присесть, среагировать трудно, учитывая, что всякий раз имя в песне появляется неожиданно), все смеются.

К микрофону подходит почетный гражданин города, ветеран войны. Игра тотчас прекращается. Старый человек от имени всего военного поколения предлагает молодым иностранцам руку дружбы и солидарности. На холм взбегает швед Якоб в желтой дождевой куртке и говорит о фильме "Иди и смотри", о том, что повсюду в мире до сих пор убивают людей. Вдруг поставленным голосом запевает "Дайте миру шанс" Леннон — и все вместе с ним. Горожане Нарвы одобрительно разглядывают иностранцев, поющих под дождем.

— Эти автобусы куда? — спрашивает американец Майкл.

- На прополку сорняков.
- А эти?
- На строительство Дома культуры.
- А другие?
- На строительство дома для престарелых.
- Я поеду на строительство дома для престарелых, — говорит Майкл.

Ваш корреспондент тоже едет. Всем раздают новые рукавицы и новые лопаты. Копаем ямки для бетонных столбов. Выкопал — переходи к следующему колышку. Другие подтаскивают раствор и бетонные столбы.

Хрупкая, высокая, стриженная под мальчишку Стелла, школьница из Англии, тащит через кусты тяжелые пустые носилки к горке с раствором. Носилки заполняются сверху. Ваш корреспондент пытается отогнать Стеллу от носилок: уж больно хрупка. Стелла упирается, ни за что не хочет уступить место. Носилки тащим вдвоем. Ваш корреспондент пыжится, пальцы оттянуло, едва удерживает тяжесть — донесли! Стелла хохочет: она доказала, что может быть сильной.

Больше всех трудится Крис из Австралии. Он в старых рваных кедах, полинявших шортах, короткие крепкие ноги напряжены, лопата опять наскочила на ка-

мень. У него большие, кажутся выпуклыми, голубые серьезные глаза. Он учится на филологическом факультете в Мельбурнском университете, стажировался русскому языку в Институте имени А. С. Пушкина в Москве, хочет поступить на экономический в университет в Сиднее.

"Когда мне было одиннадцать лет, мы всем классом навалились на одного парня. Конечно, он всем не нравился. Мы избивали его, я тоже вместе со всеми. И вдруг подумал — ведь это фашизм! Человек в стаде теряет себя, оправдываясь тем, что он как и все и в злобе и в низости... Иногда думаешь, если люди такие, зачем их спасать? Пусть погибают от всемирной катастрофы. Но вспоминаю людей, которые мне дороги, с которыми познакомился в Москве, здесь, в "Ноорусе" — могли я допустить мысль об их смерти? И я знаю, люди могут быть вместе, помогая друг другу. Как сейчас".

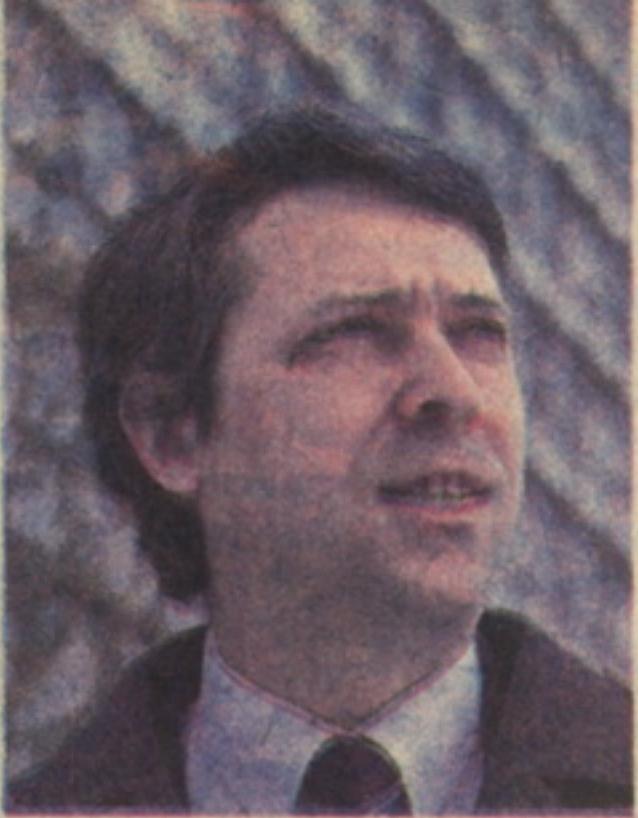
Работа окончена. Ждем автобуса. Рыжебородый священник Глен сидит на лопате, Крис разлегся на куске шифера, Хельга собирает инвентарь, Манфред, Стелла, Майкл и другие встали в круг. "Водит" Стелла: показывает на кого-то и говорит, например, "слон" или "крокодил", или "пальма", а тот, на кого показали, и двое по правую и левую руку тотчас должны исполнить фигуру, кто ошибется — "водит". Ваш корреспондент глядит на них, как дядя на детвору, но Стелла впихивает его в круг — и чудо — ему понравилось изображать крокодила и слона тоже.

Вечер политической песни. Хор "Международной гражданской службы" исполняет только что сочиненную песню "19 солдат", изображая на сцене, как падают один за другим все девятнадцать. Болгарин Георгий поет "Унесенные ветром" — весь зал вместе с ним. А следующий номер: "Я искал любовь на Бродвее" — сентиментальная песня о любви. На вечере политической песни? Почему бы нет! Швед Манфред тоже исполняет две народные песни о любви.

Выходят на сцену поляки, неся зажженную свечу. Конферансье объявляет, что прощальный костер мира из-за дождя отменяется — свеча символизирует наш прощальный костер. Поляки садятся кружком вокруг свечи и поют — тоже о любви.

И все-таки костер мира на берегу Балтийского моря! Нашелся кто-то, сумевший разжечь сырье дрова. И вот — ночь, море, костер, тают искры, люди, взявшись за руки, танцуют. И песня: "Уи шел оверкам, уи шел оверкам..." ("Мы преодолеем"). Еще раз простите за пафос, но в такие минуты очень веришь — искренность спасет мир.

А вам хочется побывать в дальних странах?

ИНТЕРВЬЮ С ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА «СПУТНИК» АЛЕКСАНДРОМ ЧЕРНОСВИТОВЫМ

— «Спутнику»—30 лет. Вступив в этот «солидный возраст», насколько он удовлетворяет потребность советской молодежи в туристических поездках за рубеж?

— Каждый год «Спутник» направляет более 150 тысяч туристов в социалистические страны и около 15 тысяч в капиталистические. Казалось бы, немало. Но это менее одного процента советской молодежи комсомольского возраста.

— Как распределяются путевки?

— По областным комитетам комсомола, а теми—по первичным комсомольским организациям. За границу может поехать и беспартийный. Но, как вы понимаете, комитет комсомола отдает предпочтение тем, кто активно участвует в общественной жизни и хорошо работает.

— Почему эти поездки не общедоступны?

— Я могу назвать множество причин. Но назову лишь главные. Мы работаем в основном по принципу паритета: то есть сколько иностранных туристов у себя приняли, столько и советских сможем направить за рубеж. Вывод ясен—нужно принимать как можно больше гостей. Но проблема: где их разместить? У «Спутника»—5 гостиниц и 20 молодежных центров, способных обслужить менее 10 процентов приезжающих к нам молодых туристов. Остальных мы принимаем в арендованных гостиницах, а добиться их весьма трудно.

С капиталистическими странами и проще и сложнее. Любая капиталистическая страна готова принять значительное число наших туристов. Но за свободно конвертируемую валюту. «Спутник» имеет лишь ту валюту, которую заработал за прием в СССР молодежи из капиталистических стран, то есть очень немного.

Тут встает проблема цен. Чтобы послать одного советского туриста во Францию, мы должны принять трех французов. На молодежный туризм у нас более низкие цены, напротив, в капиталистических странах о доступности цен для молодежи и не думают, нам называют коммерческую цену. В США, например, эта цена составляет 70—100 долларов в день.

С другой стороны, в Португалии, на-

пример, цены на обслуживание в два раза дешевле, чем во Франции. Нам приходится выбирать. Или вот проблема: мы можем обеспечить расселение наших туристов так: 30 человек в гостинице «люкс» или 100 в Доме молодежи. Естественно, мы не пойдем на то, чтобы селить плохо. На наш взгляд, приемлемые условия: трехчетырехместный номер, в котором пусть даже не будет душа, он есть на этаже. Все чисто, аккуратно, хорошо организовано. Не всегда, скажу честно, нас понимают: нам говорят, мы готовы заплатить на 200 рублей больше, но хотим жить в лучшей гостинице. 200 рублей—а для нас 300 долларов! Где их взять?

Резко увеличить приток туристов из капиталистических стран мы не можем—слишком узкая у нас материальная база.

— Как ее расширить?

— Казалось бы, самое простое направление—строить больше и больше. Средств в принципе хватает, но нет производственных мощностей. Правда, мы сумели включить в план пятилетки строительство ряда наших объектов. Но это слишком мало и не решает проблему. Другое направление— поиск и аренда уже существующих помещений. Мы даже готовы поделиться своими валютными поступлениями с теми организациями, которые согласны принять иностранных гостей. Третий путь, на сегодня наиболее перспективный,—прямой децентрализованный обмен. С прошлого года наши подразделения на местах устанавливают прямые контакты с молодежными бюро путешествий соцстран, а три подразделения (в Ленинграде, Эстонии и Петрозаводске) в качестве эксперимента начали прямой обмен с Финляндией.

Бот как мы действуем: Ленинград и Гданьск—лобратимы, они заинтересованы в дополнительном обмене по 10 групп. Пожалуйста, говорим мы, ищите материальную базу. И находят! Кемпинги предприятий, дома отдыха. А мы все организуем—«от» и «до»: выездные документы, билеты, транспорт.

Мы обращаемся к предприятиям, мы предлагаем—расширять обмен. Сколько людей вы хотите послать в ГДР? 50? Пожалуйста. Лишь одно условие: за это предоставьте места в своем доме отдыха для немецких товарищей.

Главное тут—иметь партнера за рубежом, заинтересованного в таком обмене. Если бы, скажем, завод в Тольятти предложил «Фиату» в Италии обмен группами молодых рабочих, думаю, руководство «Фиата» не отказалось бы—хотя бы из рекламных соображений. «Фиат» вполне мог бы разместить нашу группу в своем рабочем общежитии, кормить в рабочей столовой.

Мы ищем и уже нашли много общественных организаций, фондов, университетов, колледжей, заинтересованных в безвалютных обменах. В Италию, например, едет 300 советских школьников, а 300 итальянских—в Москву и Ленинград. Беспрецедентный обмен! В ФРГ едет 38 групп, в США—10.

В США нам предлагают расселение в американских семьях—это сокращает расходы на проживание. Мы согласились. Но американцы в советских семьях пока не живут, хотя мы уже подбираем советские семьи, которые согласились бы разместить американских туристов.

— Я вас правильно понял: если, скажем, молодежь какого-то предприятия, учреждения, учебного заведения найдет возможность оплатить все связанные с этим расходы, «Спутник» готов организовать безвалютный обмен тургруппами?

— Да, при условии, что есть заинтересованный в этом партнер за рубежом, который примет советскую группу и оплатит все расходы. И что этот обмен преследует благородные цели укрепления дружбы и взаимопонимания, обмен опытом.

— Таким образом в ближайшее десятилетие поездки за рубеж станут общедоступными?

— В ближайшее нет. Хотя планы у нас большие, я предпочитаю реально смотреть на вещи. В ближайшее десятилетие мы постараемся удвоить число зарубежных поездок для молодежи.

— Чем могла бы помочь «Спутнику» советская молодежь?

— Прежде всего нужна помощь по приему зарубежных гостей. Мы хотели бы, чтобы каждый иностранец имел хорошие возможности для общения. Увы, очень часто комитеты комсомола проводят такие встречи формально: в лучшем случае—дискотека, если и сели за столики—все равно не разговаривают. За рубежом должны знать: поездка в Советский Союз связана не только с осмотром Кремля, но с реальным и интересным общением. Тогда к нам захотят приехать.

Нужна помощь. Помощь в поисках новых возможностей для расширения материальной базы. Мы требуем от своих местных подразделений: работайте с комитетами комсомола предприятий и вузов, предлагайте свои услуги, заключайте с ними соглашения. И в тех комитетах комсомола, где ребята активные и интересные, с ними и отношения складываются интересные, продуктивные. Что толку забросать нас требованиями о предоставлении путевок? Нужно предлагать нам свои проекты, и мы пойдем навстречу.

ПОРТРЭШТА

Анди ДРЕССЛЕР,
французский
журналист

«Дорогие родители! Если через месяц вы не получите от меня ни одной весточки, это значит, что меня сожрали крокодилы или что я попал в руки индейцев; они высушивают головы своих пленников, а потом продают их американским туристам. Тогда вы, возможно, наткнетесь и на мою в одной из сувенирных лавочонок».

Захватив с собой палатку, одеяло, автоматический пистолет и фотоаппарат, Эрнесто Гевара и его закадычный приятель Альберто Гранадос покидают родную страну. Оба они аргентинцы и романтики. Эрнесто, происходящий из старинного рода Гевара делла Серна, уезжает в печали: он влюблен в дочь одного из крупных землевладельцев Кордовы, юную графиню Марию дель Кармен Феррейра, которую все знакомые зовут просто Чинчина (красавица).

Миллионер Феррейра не смог заставить дочь отказаться от дружбы с этим невоспитанным юнцом, который являлся к нему в дом в поношенных джинсах, подпоясанных бельевой веревкой, в выцветшей рубашке, с растрепанной шелковой.

29 декабря 1951 года, перед самым

отъездом, он в последний раз видится с Чинчиной и оставляет ей на память щенка по кличке Вернись. Она незаметно сует ему 15 долларов, чтобы он привез ей платье из кружев. Эрнесто и Альберто быстро растратают эти деньги. «Чем мы только не занимались,— вспоминает Гранадос,— мыли посуду в ресторанах, лечили больных крестьян, были и грузчиками, и ветеринарами, и моряками. Надежным пристанищем для нас всегда были лагеря прокаженных, куда мы заходили подобно мусульманам, совершающим паломничество в Мекку».

Геваре, который изучал медицину, все больше и больше нравилась роль врача в лепрозории. Путешествуя пароходом, автостопом, пешком или «зайцами» в поездах, они наконец прибывают в Перу. «Нас интересовало все. Цивилизация инков увлекла наше воображение»,— рассказывает Гранадос. В Куско Гевара часами просиживает в библиотеке над книгами. В Мачу-Пикчу, потрясенный видом руин, взобравшись на один из камней, Эрнесто Гевара читал стихи Пабло Неруды.

«Они пришли однажды утром,— рассказывает один из жителей Куско по прозвищу «Джустро» (справедливый),— Гранадос и Гевара. Они хотели нанять мула. Им хотелось добраться до лечебницы для прокаженных, которую возглавлял врач Хьюго Перш, он мог бы дать им рекомендательное письмо для другой

больницы, где-то в долине Амазонки, если мне не изменяет память. Ну, я и одолжил им двух мулов. Наверное, потому, что их смелая затея мне понравилась. Я тоже пошел с ними...»

«После трех часов пути,— продолжает он,— у Гевары начался приступ астмы, он задыхался. Приступ был таким сильным, что он повалился с мула, да еще в таком месте, где склон был отвесный: обрыв высотой метров 500. Гранадоса парализовало от ужаса, а я бросился к Геваре и успел схватить его за ногу. Мне показалось на мгновение, что мы оба сейчас покатимся в пропасть. Но мне все же удалось крепко зацепиться самому и втащить его наверх. Я дрожал всем телом и, кажется, испугался гораздо больше, чем он».

Астма в той же мере мучила Эрнесто Гевару, что и стимулировала его. «Создавалось впечатление, что он стремился доказать, что, несмотря на эту проклятую болезнь, он не только ни в чем не уступает своим товарищам, но даже превосходит их,— говорит его отец, Дон Эрнесто Гевара Линч.— Он был отличным футболистом, но во время игры его внезапно мог схватить приступ астмы, и он был вынужден покинуть поле, чтобы восстановить дыхание». Он играл в регби, в гольф, даже занимался планерным спортом. Но больше всего увлекался велоспортом: это была настоящая страсть. На обороте фотографии, которую он хо-

тел подарить невесте, написано: «Чинчи-
не, с уважением, от короля велосипеда».

31 декабря 1958 года, накануне паде-
ния кубинского диктатора Батисты, его
отец обнаружил у себя под дверью пись-
мо. Он и по сей день не знает, кто его
принес. «Дорогие родители! У меня все
в порядке. Я истратил только две жизни,
у меня в запасе еще пять. Я работаю.
Уверяю вас, что господь бог — аргенти-
нец. Целую вас».

Да, Эрнесто Че Гевара тогда был еще
жив. («У меня семь жизней,— заявил он
однажды.— Как у кошки».) Когда он спус-
кался вниз по Амазонке вместе с Аль-
берто Гранадосом, направляясь к ле-
прозорию Сан-Пабло, все его жизни
были нерастраченными. Пятнадцать лет
спустя, в боливийской сельве, он истра-
тил их все.

«В 1950 году я был одним из тех мно-
гочисленных обреченных прокаженных,
дни которых сочтены,— рассказывает
Исайа Сильво Лозано, владелец бара
«Че» в Сан-Пабло.— Мало кто из моих то-
варищей по несчастью выжил. Сегодня
существует множество самых различных
лекарств от проказы. А в то время не
было ничего. Однажды вечером, было
уже темно, я никогда это не забуду, ка-
кой-то незнакомый доктор появился в
клинике Сан-Пабло, молодой черново-
лосый человек; мне он сразу показался
симпатичным. Худощавый, лет двадцати
пяти, не больше. Он производил впечат-
ление человека сильной воли, но не осо-
бо большой физической силы. Говорили,
что он — аргентинец. Я-то сам был кожа-
да кости.

Однажды утром боль стала нестерпимой: я, плача, просил, чтобы они хотя бы
облегчили мои страдания. Новый врач
сидел прямо на полу в позе йога. Я как
сейчас помню, он читал английскую ме-
дицинскую книгу. Он посмотрел мне в
глаза и сказал: «Вас надо оперировать».

Я помню прохладную руку врача, кото-
рую он положил мне на лоб, и как меня
охватил дикий ужас. Я кричал как сум-
ашедший, когда мне делали два укола.
Потом я потерял сознание».

«Больше вроде рассказывать нечего,— продолжал Лозано после долгой паузы.— Я был первым пациентом Гевары, и он спас мне жизнь. Это стало началом новой эры для лепрозория: те-
перь хирургические инструменты не успевали заржаветь. С тех пор прошло много лет. Уже став министром в прави-
тельстве Фиделя Кастро на Кубе, он прислал мне письмо, в котором спраши-
вал о моей жизни. Он не забыл меня, по-
нимаете?!

Когда он решил уехать, мы построили
для него плот, который окрестили «Мам-
бо Танго». Всего лишь несколько скре-
пленных между собою досок, на которых
возвышалось что-то вроде конуры. Мы
все, больные, стояли в молчании вдоль
берега реки. Эрнесто Гевара уплывал от
нас все дальше и дальше. Ветер донес
до нас его голос и смех. Потом он исчез
из виду».

Перевела с французского
Н. ПАВЛОВА

Лучо ЛАМИ,
итальянский журналист

II

Июль 1967 года. Че подводит итог: нет
связи с партизанскими группами, прова-
лом окончилась попытка организовать
боливийских крестьян на партизанскую
войну, целая серия непредвиденных об-
стоятельств привела к тому, что его груп-
па оторвалась от остального отряда, по-
терявшегося в горах.

Че со своей группой направляется на
юг, в сторону Рио-Гранде, надеясь найти
отставший арьергард. Очень трудный по-
ход, многие партизаны без сил, больны,
рискуя попасть в засаду с каждым днем
возрастает. Первого сентября, спустя
более двух месяцев поиска, в Гуардо-
дель-Иезо они узнают, что пропавший
отряд проходил тут за день до них, но
предатель заманил отряд в западню. Со-
вершенно обессиленные, партизаны по-
ворачивают на восток, пытаясь выйти из
петли, которая все туже стягивается во-
круг них. Они направляются к Ла-Игеру.

«Они пришли сюда,— рассказывает
корреспондент Аннибал Куирога,— 26 сен-
тября, около десяти утра. Партизаны ста-
рались быть любезными. Че отдыхал под
большим деревом на площади. Один из
партизан направился в дом телеграфи-
ста, но он напрасно беспокоился, линия
и так была испорчена. Партизаны реши-
ли остановиться в доме, стоявшем особ-
няком рядом с деревней. Они не чувст-
вовали себя в безопасности. Партизаны
прошли по тропинке мимо моего дома.
Тропинка спускается в долину, а потом
снова поднимается вверх, они не знали,
что как раз там их поджидает лейтенант
Галиндо...»

Корреспондент не говорит, кто предупре-
дил Галиндо. Но в дневнике партизана
Пачо читаем: «Хлынул дождь пуль... при-
бегает раненый Бени и говорит, что Ми-
гель, Коно и Хулио убиты. Камба исчез.
Бени требует отомстить человеку, ко-
торый нас предал, но Че приказывает от-
ступать...»

Войска окружают партизан, Че с оста-
вшимися семнадцатью бойцами движется
в сторону Рио-Гранде. Они проходят
лишь по нескольку сотен метров за ночь.
Некоторые тяжело больны, другие страда-
ют дизентерией. Сам Че практически
без сил. Первого октября Пачо пишет о
Че в своем дневнике: «Он держит в ру-
ках оружие с таким видом, будто раз-
думывает, должен ли убить себя, чтобы
не попасть в плен. Я тоже в таком со-
стоянии».

Солдаты — со всех сторон, днем пар-
тизаны прячутся в оврагах, лишь ночью
пробираются к воде наполнить фляги.
Место последнего боя мне показал То-
мас Баллехо, его очевидец. «Перестрел-
ка началась около часа седьмого октя-
бря. Один из солдат заметил партизан.
Адский огонь, люди Че в зарослях, сол-
даты вокруг».

Капитан Прадо, командовавший рейн-
джерами, пустил в ход минометы, а ког-
да дым начал рассеиваться, солдаты
увидели партизана, раненного в ногу; его
карабин разнесло пулеметной очере-

дью, сам он пытался спрятаться за бо-
льшим камнем. Это был Че.

С пленением вождя партизан бой пре-
кратился, некоторым партизанам уда-
лось скрыться. Остальные — Чино, Арту-
ро, Антонио, Пачо — были мертвы.

«Солдаты,— рассказывает Томас Бал-
лехо,— приказали мне таскать трупы на
дорогу, откуда их перевезли в Ла-Игеру». Туда же доставили Че и его товарища Вилли.

«Мы видели, как их привезли, дело
было к вечеру,— рассказывает корреспон-
дент Аннибал Куирога,— около восьми. В
деревню вошла рота военных. Че шел,
хромая, опираясь на плечи двух солдат,
Вилли, боливиец, шел следом. За ними —
кампесинос, которые несли убитых.
Пленников отвели в школу, туда же от-
несли мертвых».

Здание школы стоит и по сей день,
вместо соломенной крыши теперь из ли-
стового железа. Я хочу осмотреть по-
мещение, кто-то идет за ключами. Вну-
три пусто, сырь, темно, единственный
предмет — стул. Стоит на том месте, где
двадцать лет назад сидел раненый Че.
Тогда, как мне рассказали, школьное по-
мещение было разделено перегородкой
на две крохотные комнаты: в одной
сложили тела трех убитых в стычке сол-
дат, в другой находились Че Гевара, Вил-
ли и тела двух партизан. У пленников ру-
ки были связаны за спиной, они сидели в
полном молчании друг против друга в
противоположных углах.

Че оказали медицинскую помощь:
обработали рану, потом, по его просьбе,
дали аспирину. Он с большим спокойст-
вием сказал Прадо: «Сейчас мы проиг-
рали, тому много причин, но наше дело
остается в силе...» Глубокой ночью он за-
древал и проспал несколько часов.

На восходе Че проснулся. Начался
день 9 октября 1967 года. Прибыл вер-
толет с полковником Жоакином Дзенте-
но, командующим дивизией. Полковник
объявил о намерении поговорить с Че,
тогда из школы вынесли трупы и вывели
Вилли. Никто не знает, что они сказали
друг другу.

Военные нервничали, они ждали при-
каза, а приказ все не приходил. Все думали,
что над Че устроят показательный
процесс. Но около одиннадцати пришел
приказ из столицы, где в течение нес-
кольких часов вопрос обсуждался с са-
мим президентом Республики: «Ликви-
дируйте главу партизанской армии».

Че все еще в комнатке. Входитunter-
офицер, явно подвыпивший, и Че вдруг
понимает: он не решается стрелять. Тог-
да Че кричит на него: «Ну, убивай меня,
сукин сын!» Унтер-офицер стреляет.

Потом заходит в другую комнату, там
Вилли и еще один партизан, Анличето, ко-
торого схватили утром. Слышатся еще
выстрелы. Трупы выносят на улицу,
складывают и связывают вместе для
транспортировки на самолете в Валье-
Гранде, место расположения дивизии.
Командование получило распоряжение
сообщить прессе, что все партизаны по-
гибли в бою, но правда уже известна...

Перевела с итальянского
Е. ЛИВШИЦ

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТДЕЛА МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ К «ТРЕМ ПОРТРЕТАМ ЧЕ».

Вы прочитали два материала о Че Геваре. В одном из них рассказано о том, как этот человек начал свой путь; в другом изображен трагический и героический конец. Это — две точки, между которыми уместилась вся жизнь аргентинца, чье суровое лицо смотрит сегодня на нас с тысяч пакетов, с обложек десятков книг, посвященных ему. Че Гевара — один из самых популярных героев нашего времени.

Мужество Че Гевары и его обаяние несомненны. На Кубе, после победы революции, он был директором банка и министром — и отказался от всех удобств своего положения ради того, чтобы начать партизанскую войну против диктатуры Баррентоса в Боливии. Много ли найдется в истории человечества политиков, которые, достигнув власти, отказались бы от нее и вступили в новый круг борьбы? Это — уникальный пример человеческой честности и воли. Это пример неравнодушия. Отправляясь в Боливию, Че Гевара оставлял не только министерское кресло. Он оставлял жену, четырех детей. Но он думал не о себе. Его жизнь не исчерпывалась Кубой. Латинская Америка была для него одним целым, единым континентом, где нет боливийцев, кубинцев, чилийцев, аргентинцев, а есть латиноамериканцы, страдающие от одной и той же нищеты, от одних и тех же бед. Это ощущение континента как единого целого вело его, аргентинца, сначала на Кубу, потом в Боливию.

В чем причина нашего интереса к Че Геваре? Причина в том, что в его жизни сплелись все больные вопросы века. Как бороться с несправедливостью и злом? Должно ли добро бороться против зла насилиственными методами и не превращается ли оно при этом в свою противоположность? Это — в области морали. В области практической политики вопрос звучит так: возможно ли высаживаться с оружием в руках на территории чужой страны, где существует диктатура? А если нет, то каким иным путем бороться против несправедливости и жестокости, совершающихся то в одной, то в другой стране?

Это трудные вопросы. Но было бы неуважением к памяти Че Гевары и к самим себе сделать вид, что этих вопросов нет.

«Три портрета Че» — так мы назвали публикацию о Че Геваре, приуроченную к его 60-летию. Но под этим заглавием опубликовано только два материала. «Где же третий?» — спросите вы. Третий портрет Че — это тот, который — мы надеемся — создадите вы, читатель. Кто Че Гевара для вас? Что жизнь Че и опыт Че значат для современного мира? Каков ваш ответ на все заданные тут вопросы?

Мы ждем его, читатель.

ЯПОНСКИЙ ФЕНОМЕН:

В этом и следующем номерах мы публикуем статью корреспондента ТАСС в Японии В. ГОЛОВИНА. Речь в ней идет об организации производства в японских фирмах и компаниях, о методах управления и взаимоотношениях начальников и подчиненных. Эффективность японцев во всех этих областях позволила им занять лидирующее положение на мировом рынке. Мы хотели бы узнать ваше мнение, читатель, что из японского опыта может быть использовано в условиях нашего производства, какие приемы японских менеджеров вы считаете применимыми в наших условиях?

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, КРАХ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИФА

В. ГОЛОВИН

«Японский феномен», то есть давно нашумевший и давно обретший черты абсолютной достоверности миф об исключительных и универсальных качествах японской методики при организации производства и отношений администрации с персоналом, не так давно получил, казалось, теперь уже совершенно неоспоримое доказательство собственной реальности. В двух словах это история огромного автомобильного завода на севере Калифорнии, принадлежащего компании «Дженерал моторс», но рожденного компанией «Тойота». В потоке лихорадочных сообщений, внезапно сплошным потоком полившихся из Северной Калифорнии, фигурируют деградировавшие рабочие, наркоманы и алкоголики, безвольная, николько не преданная компании администрация, враждебные отношения между служащими (до восьми тысяч производственных конфликтов в год!) и как результат, разумеется, самое низкое качество грузовиков, производимых во Фримонте. Предприятие было закрыто в 1982 году, семь тысяч человек, в основном жители Фримонта, были решительно уволены компанией, что привело, как пишут, к многочисленным трагедиям. Так было. Затем произошло чудо. Как и положено, подробности чуда, а вернее, технология его совершения, опускаются

корреспондентами, побывавшими во Фримонте, с тем чтобы возрождение развалившегося завода действительно произвело впечатление мгновенного, в чем-то даже недоступного нашему пониманию, сверхъестественного процесса. Итак, завод возродился из ничего. Ныне прогулы касаются лишь трех процентов рабочих. За три года — меньше тридцати конфликтов. Что произошло? Представители «Тойоты», оформлявшие договор о совместном владении предприятием, своим условием поставили внедрение на нем своих форм организации труда, гарантировав качества и совершенную дисциплину. Притом было коренным образом изменено штатное расписание, повсеместно созданы «полуавтономные бригады с широкими полномочиями и ответственностью» и «кружки по качеству». Журналисты восторженно цитируют высказывания рабочих, утверждавших, что у них появился вкус к работе, желание во что бы то ни стало добиваться все лучших результатов, в то время как прежде они были убеждены, что работа требует лишь пребывания на рабочем месте.

Новая весть: «Форд» внедряет на своих заводах методы обращения с персоналом, заимствованные у дальневосточных конкурентов.

Цели «Форда» достаточно ясны.

Японцы работают быстрее и «чище», а работа предприятий производит со стороны впечатление механизма, действующего без вмешательства людей. У японцев есть чему поучиться. Это общераспространенное мнение. И тут перед нами возникает миф... предмет весьма трудный для детального исследования. Выясняется, что во всем мире есть несколько устоявшихся представлений на этот счет, которые мешают трезвому анализу.

Первое: вера в «необычность» японцев, их мышления, склада характера и т. д., что делает их более похожими на некое религиозное общество, нежели на народ. Эта необычность была всегда и будет навеки, точно так же, как были «всегда» японские методы организации производства. Они, твердят миф, почти неизменны, что, собственно, и делает их чудесной гарантией от экономических бед, которыми страдает то «Форд», что «Дженерал моторс».

Из этого главного то ли заблуждения, то ли предубеждения возникают все остальные. Из книги в книгу кочуют рассуждения об «основанном на извечных конфуцианских ценностях стремлении японцев к гармонии и урегулированию всех конфликтов путем спокойных и доброжелательных переговоров», о «присущей всем японцам с рождения интуитивной тяге к прекрасному», о «полусемейных отношениях с бизнесменами и рабочими, исключающих малейшую опасность столкновений», наконец, о «самоотверженном, почти фанатичном культе работы»...

Япония сделала первую попытку прорваться вперед в области эффективности производства и качества продукции в 50-х годах — и немедленно стала объектом осторожного и скрупулезного анализа со стороны наиболее прозорливых экономистов на Западе.

Итак, что же стало видно сразу глазу исследователя?

Прежде всего бросалась в глаза система «пожизненного найма» служащих и гарантированного продвижения их на верх.

Как рекламная картинка это выглядит так, что человек, попавший в объятия компании, может не заботиться о своем будущем, о повышении своего профессионального уровня и даже о сохранении своего здоровья. Все эти заботы берет на себя администрация, которая лучше самого работника знает, что для него необходимо, что необходимо для обеспечения его будущего, для повышения его компетентности и для сохранения его работоспособности. Компания выглядит добрым дядей или, если хотите, отцом, она время от времени не забывает повысить зарплату или перевести работника на более престижную должность, требуя взамен всего лишь той «фанатичной преданности» работе, о которой заявляют пропагандисты мифа.

(Единственное «но», которым мы сейчас омрачим рекламную картинку, будет несоответствие мифа и реальных цифр. В действительности, по официальным данным, число уволенных и

сменивших работу даже в период расцвета японской системы управления, то есть в 60-е годы, достигало 30—40 процентов всей рабочей силы. Долгое время единой для всей Японии являлась, пожалуй, система постепенного увеличения зарплаты, охватывающая, к слову, только кадровых работников.)

Как реальность, даже в лучшем случае, это выглядит как пожизненная принадлежность человека компании. Вот когда приходится учитывать японскую психологию и ее специфику, действительно влияющую на отношения между людьми, а также на отношение человека к собственному окружению, будь то коллектив или работа...

Национальный характер японцев сложился в уникальных условиях.

С 1600 года Япония была объединена под властью военно-феодальныхластителей Токугава, сумевших создать мощный административно-полицейский аппарат, державший страну в повиновении. Япония стала «закрытой страной»: прибывавшие иноземцы должны были быть казнены на месте. Япония была если не вычеркнута, то вычленена из мировой истории. Почти триста лет страна пребывала в полицейском «спокойствии». На стыке средневековья и нового времени это был практически единственный в мировой истории пример сохранения политической и социальной стабильности. Процветания не было. Но не было и голода. Люди из поколения в поколение жили в одной и той же деревне — сформировались замкнутые группы, где люди не мыслили себя иначе как принадлежащими этой группе с рождения до смерти. Группа нормила, давала защиту и «чувство принадлежности», необходимое для чувства безопасности, но взамен требовала максимальной отдачи сил и преданности. Жесткая дисциплина, непременное условие полной отдачи сил и преданности в условиях империи Токугава процветали в атмосфере круговой поруки, шпионства и беспрекословного подчинения высшим, что выражалось в формах, на взгляд европейца, абсурдных: регламентированы были права носить ту или иную одежду, употреблять ту или иную пищу! Почти до второй мировой войны длилась эпоха общинно-полицейской диктатуры. Так венами выращивался тип человека, потерявшего индивидуальные черты, человека-функции. Насколько живуч оказался этот тип, доказывает обращение не по имени, а «по функции» в современной Японии: монтер-сан, овощник-сан. Иногда человека именуют по фирме, которую он представляет: Сони-сан, Тойота-сан. Ваш корреспондент в данном случае не будет удивлен, встретив обращение: ТАСС-сан.

В стабильной деревенской общине ничтожное внимание уделялось личным способностям и амбициям, и это можно понять: уклад жизни не требовал перемен, а скорее избегал их. Индивидуалисты не только были осуждаемы. Индивидуалисты жестоко преследовались. И сейчас в Японии самобытность и

независимость считаются качествами едва ли не подозрительными. Когда на автомобильном заводе компании «Мазда» начала проходить стажировку группа американских молодых рабочих, руководитель тренировочного центра «Мазды» Кунио Фудзии был шокирован.

— Они не берутся за новую работу, пока не получат объяснений относительно обоснованности ее, — сообщил он журналистам. — Они слишком «дзисю».

«Дзисю» — независимый. Проведенные в Японии годы убедили меня, что «дзисю» может звучать и как приговор, и как ругательство.

Еще важный момент прошлого уклада, помогающий понять психологию современного служащего, рабочего в Японии. Община токугавских времен нуждалась в том, чтобы принимаемые ею решения поддерживались всеми. Ведь откровенная диктатура могла вызвать скрытый протест! Так родилась процветающая и по сей день традиция детального и длительного обсуждения решений и нововведений, что образно называют обтациванием гальки в волнах прибоя. Сегодня, поступая на работу, японец не бунтует против предъявления множества справок или против довольно долгого ожидания решения своей судьбы. Рано или поздно, но решение объявляется точно в назначенный срок, а это уничтожает самый сильный аргумент против «бюрократических проволочек». Не феноминальное ли явление, мимо которого зачастую проходят исследователи японского «чуда»: сочетание самого заскорузлого бюрократизма с высокой точностью работы бюрократической машины — явление, казалось бы, невозможное.

Но было бы ошибкой считать (собственно, это важнейшая ошибка европейца), что нравы общины времен Токугавы были естественно перенесены в мир промышленного производства, в мир техники, в мир, руководимый экономическими законами. Вначале было как раз наоборот: Япония приняла западную модель, ее не самый лучший вариант — следом за возникновением промышленных предприятий возникали грязные, неустроенные общежития для рабочих, насаждались штрафы, дисциплина была палочной... Оторванный от родной деревни с ее вековой «преданностью» и вековой привычкой к повиновению, японец попадал в мир холодный и чуждый, его представления о порядке рушились. Могли в таких условиях возникнуть интерес к работе? Разумеется, нет.

«Японское чудо» пустило корни тогда, когда предприниматели поняли, что они не добьются успеха, не насаждая на заводах обстановки, имитирующей привычную для вчерашних крестьян. Ставка была сделана на то, чтобы воспроизвести в масштабах частной фирмы отношения крестьянской общины периода Токугавы. Вот чем был поначалу питаем пресловутый и легендарный рывок Японии! Дерево искусственно привилось под крышей.

Китай привлекает сегодня внимание всего мира. В стране развертывается экономическая реформа, затрагивающая жизнь людей от мала до велика. Именно об этом идет речь в книге «Жизнь китайцев: устная история современного Китая», вышедшей в 1987 году. Китайские писатель Цхан Ксининсин и журналист Санг Ие, путешествуя по стране, записали более ста устных рассказов людей разных возрастов и профессий. Вот один из них:

Мне тринадцать. Я из деревни Аухуи, что в уезде Фуюн. А сюда, в Пекин, я приехал не один — с братом, с нами еще четверо мальчишек из нашей деревни. У каждого из нас есть аппарат для приготовления воздушной кукурузы. Весь день мы ходим по городу, готовим и продаем воздушную кукурузу, а вечером опять встречаемся. Мы работаем на себя, все, что зарабатываем, — наше.

Я ходил в школу, но после четвертого класса перестал. Наша семья арендовала участок земли, и отец сказал: хватит учиться, пора работать. Мне не нравилось в школе — слишком скучно. В семье нас восемь человек: дед, отец, мать, два старших брата, я, младший брат и грудная сестренка. В нашей деревне живет около тридцати семей, все — крестьяне, кроме тех, кто сейчас служит в армии. Но после нескольких лет службы они возвращаются и тоже становятся крестьянами. Раньше, когда служили в армии, там могли вступить в партию, а потом стать партийными работниками или деревенскими врачами, ну, везде руководить и управлять — они выбывали в начальники. А теперь все по-другому: землю поделили и сдали в аренду, крестьянину уже никто не указывает, что и как делать. Я хочу зарабатывать много денег. Мы бедные, и нам нужны деньги. Деньги не главное в жизни, но я хочу, чтобы они у меня были.

В первый же год, когда мы получили землю, был неурожай. Поэтому многие из нас отправились на заработки в город. Отец и самый

старший брат остались в деревне возделывать землю, а я и другой старший брат пошли в город.

Эти аппараты стоят по восемьдесят юаней. Чтобы их купить, мы взяли заем в сельхозбанке, и теперь постепенно должны его выплачивать. Выгодная сделка! Мы не платим процентов, так как живем в районе, пострадавшем от наводнения. Мы заняли двести юаней, сто шестьдесят истратили на аппараты, а сорок осталось на дорожные расходы.

Первым делом, когда мы приехали в Пекин, нам пришлось уплатить этот чертов штраф на вокзале. Мы думали, что достаточно заплатить за билеты — и поезжай. Оказалось, нужно платить и за багаж. Нас оштрафовали и выдали квитанции. На кой черт они нам сдались: ведь мы не государственные служащие, и где бы мы стали их предъявлять для возмещения ущерба? Мы порвали эти квитанции.

Мы в Пекине уже три недели. Я зарабатываю около двух юаней в день, а если повезет — то и четыре. Я вношу свой аппарат во двор блочного дома и как закричу: «Свежая воздушная кукуруза!» А начал работать — вокруг собирается народ. Лучше раз как следует крикнуть — сразу привлекает внимание, — чем кричать по десять раз. Они несут свою кукурузу, а мне лишь остается ее приготовить. За небольшую сумму я делаю целый пакет, у меня гораздо дешевле, чем в государственном магазине. Иногда вместо денег я беру продуктовые талоны, мне они тоже нужны: так дешевле, чем платить наличными в магазине. А иногда я прошу взамен уголь, особенно у детей. Я обещаю им горсть воздушной кукурузы бесплатно, если они стащат из дома несколько кусков угля. Никто уголь не считает, а я добываю себе топливо. В Пекине все на учете, даже уголь нельзя купить без специального разрешения. Ну и пусть, уголь для меня стащат дети.

Но вот что мне не нравится — когда суют нос не в свое дело. Тут без конца подходят и спрашивают, почему я не в школе, и как это плохо, и каким я вырасту... А разориться — это что? Я здесь в Пекине с рекомендательным письмом от нашего кооператива. На письме — большая красная печать. Я здесь не потому, что мы умираем с голода, я здесь, чтобы зарабатывать деньги. А что школа? Я бы ходил туда, если бы мне нравилось, а нет — я туда не пойду. Кому какое дело, как мне хочется, я сам за себя решу.

Я скажу вам серьезно: наша жизнь стала гораздо лучше с тех пор, как правительство

решило поделить землю и раздать ее в аренду. Если ты беден — твоя вина. В первый же год случилось наводнение. Ужас! Если бы не наводнение, мы бы построили новый дом. И по этой причине я здесь на заработках. Отец сказал, если будет хороший урожай, следующей весной мы построим дом. Но не думаю, что мы будем жить лучше, чем эти городские в Пекине. Посмотрите, как они сорят деньгами, сразу видно: они не знают, что такое быть разоренными.

Я научился делать воздушную кукурузу гораздо лучше, чем когда сюда только приехал. Я могу и рис приготовить, и даже новогодние пирожные. Но у нас в воздушную кукурузу добавляют сахар, раскрашивают в красный или зеленый. А в Пекине так не любят — им подавай белую, они утверждают, что от сладкого и от красителей может быть рак. Чушь! Видели вы, чтобы кто-нибудь болел раком от воздушной кукурузы? К тому же здесь мне не разрешают работать в полдень, я, видите ли, мешаю им отдыхать после обеда. Ну и отлично, я тоже люблю вздремнуть часок под деревом.

Когда я заработаю деньги, я куплю новую одежду, схожу в баню и несколько дней буду отдыхать, а потом поеду домой. Я здесь проработаю аппарат — за те же восемьдесят юаней. В Пекине такие не производят.

Если вы меня спросите, я скажу, налоговые инспектора здесь лучше, чем у нас в деревне. Тут ко мне несколько дней назад подошел налоговый инспектор и спросил, плачу ли я налог. Я сказал: «Ой, я не знал, что нужно платить». Мол, я такой маленький, и он спросил меня, откуда я приехал, сколько мне лет, потом сказал: «Ладно, раз ты из пострадавшего района. Поезжай домой и иди в школу. А больше не торгуй. Ведь тебе всего тринадцать лет!» Но в школу я не вернусь, я буду зарабатывать деньги. Не поеду домой, пока не покрою расходы на аппарат, на дорогу, пока не заработаю сотню-другую сверху. Так мы договаривались с отцом. А приеду домой — тоже не до школы: нужно пахать, и сеять, и прочее. Если опять неурожай, снова приеду сюда. Я слышал, что можно заработать еще больше, если собирать макулатуру. Возможно, и так, но я не хочу опускаться до этого уровня. Я человек с профессией.

Красота спасет мир

Лили ФРЭЙ,
швейцарская
журналистка

На нем блестящий зеленый жилет. Черный костюм с широким коротким пиджаком. Белую рубашку дополняет маленькая черная «бабочка». Модная стрижка. Нет сомнения, Вячеслав Зайцев понимает толк в моде. Король советской моды отличается от западных коллег лишь своей непосредственностью: Зайцев весь светится, как ребенок с блестящими глазами. Он приходит как друг, его встречают как победителя. Он еще не произнес ни слова, а журналисты восхищенно аплодируют. Он радостно поднимает руки в приветствии: «Я не могу выразить все, что я чувствую».

Его голос тверд, полон силы, надежды и веры. «Я пришел как посланец моих коллег из Москвы, всех художников, которые делают моду». Поток его речи ошеломляет опытную переводчицу. «Я хочу доказать, что красота и гармония могут решить все проблемы».

Советская мода представляется в ФРГ впервые. Зайцев привез в Мюнхен свои модели 1982—1987 годов.

Перед показом все вызывает волнение модельера. Значима каждая мелочь. Он тревожится о музыке: «Роллинг стоунз» или хор донских казаков будут сопровождать показ? Туфли фирмы «Саламандра» прибывают всего за пять минут до начала представления. Некоторых манекенщиц Зайцев видит впервые. Он импровизирует, то поправляя складку, то превращая шарф в чалму.

Зайцеву 49 лет. 25 из них он участвует в рождении новой моды. «От гармонии и красоты можно устать. Но как художник

я черпаю все новую энергию из своей работы». Зайцев производит впечатление тридцатилетнего.

Фланелевый костюм с раскачивающейся юбкой в складку ему особенно нравится. Потому что «костюм идет любой женщине независимо от возраста». С гордостью он показывает экзотические вышивки, украшающие черные вечерние туалеты. Растительные орнаменты созданы по рисункам Зайцева. «В России вышивка традиционна». Высокие фетровые шляпы. «В России головные уборы всегда были высокими». Геометрические линии пальто переходят в мягкие складки. Мода Зайцева — сочетание кубизма и русского фольклора. Свое искусство он называет «ренессансом русской моды». Зайцев предпочитает черный, белый и серый цвета. И разумеется — красный. «Красный загадочен. Каждая женщина должна быть таинственной для мужчины». Его последняя

коллекция называется «Прекрасная красная Русь».

Зайцев — главный художник Дома моды на проспекте Мира в Москве. Годовой доход Дома исчисляется двумя миллионами рублей. По вторникам, средам, четвергам Зайцев устраивает большие демонстрации моделей. Это всегда событие. Входные билеты дорогие, но, несмотря на это, зал на 200 мест полон зрителей. Зайцев демонстрирует повседневную одежду, но, кроме этого, — модели-люкс. Он предлагает женщинам образцы макияжа, для желающих быстро набрасывает на бумаге модель платья. Даже мужчины не уходят с пустыми руками. Он предлагает модели пулloverов. «Я бы сделал мужскую коллекцию, но у меня нет заказчика». Зайцев считает, что сейчас мужчины лишь начинают медленно «эмансипироваться» в плане моды, замечает, что особенный интерес проявляют мужчины от

16 до 40 лет.

Зайцев родился в 1938 году в Иванове. Он уже ребенком знал, что станет художником. В детстве он пел, танцевал, декламировал стихи. Потом он изучал химию и только после этого — текстильный дизайн. Имеет дипломы по обеим специальностям.

В 1956 году Зайцев приехал в Москву, поступил в текстильный институт. Затем работал на одной из швейных фабрик под Москвой, участвовал в производстве спецодежды для работников сельского хозяйства. В 1965 году он получил приглашение возглавить модельеров Всесоюзного Дома моделей. И хотя за 13 лет ни один из его проектов не был осуществлен, Зайцев находил все большее удовольствие в «искусстве одевать». В 1982 году его назначили главным художником созданного тогда Дома моды. Наконец его мечты могли стать реальностью. Теперь Вячеслав Зайцев пользуется абсолютной художественной свободой.

Зайцев — художник многогранного таланта. Он создает модели одежды, обуви, посуды, мебели, бижутерии. Он пишет картины маслом в стиле кубистов. Как член Союза художников работает над костюмами для кино, театра, телевидения. Как профессор вуза — преподает дизайн.

Зайцев работает в тесном сотрудничестве со своим сыном. 27-летний Егор моделирует спортивную одежду для молодежи. «Он намного одареннее меня,— говорит Зайцев о сыне.— Егор будет вторым поколением династии Зайцевых в стране».

Реально существующий мир моды Зайцева — это «гармония красоты». Его лицо передергивается от отвращения при слове «джинсы», мини нравится ему как идея, но, по его мнению, это выглядит некрасиво. «Немногие женщины имеют действительно красивые ноги, чтобы позволить себе мини», — считает он. Длина юбок у Зайцева — ниже колена. «Я не хочу, чтобы женщина чувствовала себя неуверенной, и хочу сделать ее более красивой».

Мода для Зайцева — важный символ цивилизации. Он предъявляет к ней наивысшие требования. Он уважает Кристиана Диора и Коко Шанель. «Они много сделали для эстетики моды». Пьер Карден — его друг. «Он — эстет». Ив Сен-Лоран для него совершенство.

Из Мюнхена Зайцев летит в Нью-Йорк. Американская фирма Интерторг, специализирующаяся на торговле одеждой с СССР, устраивает показ его моделей. Фирма закупила 120 моделей. Марка «Зайцев» будет скоро производиться в США по лицензии.

Президент Интерторга Тамара Керим, русская с американским паспортом, в 1988 году откроет «Дом Зайцева» в Сан-Франциско.

Торговля с западными партнерами в настоящее время очень важна. Зайцев — за развитие контактов.

В последнее время он приглядывается к материалам западных фирм — шелку, шерсти. Заключены первые контракты в Японии, Швейцарии, запланирована деловая встреча в Нью-Йорке.

«Красота спасет мир», — цитирует Зайцев своего любимого писателя Достоевского. Его модели — это красота и гармония.

Перевела с немецкого Г. ГАЙДАЙ

МЭРІ КАДЬНІЯРСКА

ФРЕДІР

«CAN» («Кэн»), группа образовалась в 1968 г. в ФРГ. Исходный состав: Ирмин Шмидт, клав., вон.; Майкл Кароли, гит., скрипка, вон.; Холгер Зуней, бас, вон., электр. инструменты; Джени Либецайт, уд., язычковые муз. инструменты, вон.; Мальколм Муни, вон.; Дэвид Джонсон, флейта, электр. инструменты.

«К.» были первой европ. группой, начавшей электронную обработку композиций. Для музыки «К.» характерны многочисленные электронные эффекты, значительно искаженное звучание инструментов, сложные ритмы, однако это не шло в ущерб мелодичности.

Первая пл. «Фильм унасов» была выпущена в 1969 г.: здесь творческие возможности группы еще не раскрылись и работа не привлекла интереса. В 1970 г. «К.» записали музыку к фильму «Риски», которая также была далека от совершенства. Но в 1971 г. музыканты познакомились с известным авангардным композитором Карлхайнцем Штонхаузеном, и это творческое сотрудничество принесло успех: пл. «Таго Маго», 1971; «Эге Бамаяси», 1972; «Грядущее», 1973; «Впереди Бабалума», 1974; «Совершил посадку», 1975, по сей день считаются вершиной психodelического арт-рока.

В таком же стиле были записаны и две следующие пл.: «Плавное движение» и «Конферансье» (обе 1976 г.). Затем «К.» обнаруживают тяготение к стилю фанк, и это отразилось в музыке пл. «Восхитительная игра на пиле», 1977; «Каннибализм», 1978, и «Вне досягаемости», 1978. Это была последняя пластинка группы. Творчество «К.» оказало большое влияние на европ. авангард, психodelический арт-рок и в определенной степени стимулировало появление стиля техно-рок.

Изменения состава: 1970 — Муни, — Джонсон, + Дамао Сузуки, вон.; 1973 — Сузуки; 1977 + Родни Джи, бас, + Рибоп Кваку Баах, уд.

«CANNED HEAT» («Кэннед хит») — «Контейнер для напалма», группа образовалась в 1966 г. в США.

Исходный состав: Боб Хайт, вон., гармоника; Алан Уилсон, гит., гармоника, вон.; Генри Вестайн, гит.; Лэрри Тейлор, бас; Френк Кун, уд.

«К. х.» организовали Уилсон и Хайт, и в 1967 г. группа подписала контракт с фирмой «Либерти», тогда же выпустила первый диспл. «К. х.». Первоначально «К. х.» играли исключительно блюз, но вскоре начали отчетливо прослеживаться элементы буги: «Буги вместе с «К. х.», 1968; «Ливинг зе блюз», 1968; «Аллилуя!», 1969, и группу провозглашают «королями электронного буги».

В 1970 г. умер Уилсон, группа записала еще нескользко пл. («Сбор винограда», 1970; «Блюз будущего», 1970; «Хунер и «К. х.» (с Джоном Ли Хунером), 1971; «Исторические фигуры и бюсты древних», 1972), но они получились довольно слабыми. В 1973 и 1974 гг. «К. х.» выпустили альб. «Новый вен» и «Еще одна переправа» и надолго исчезли из поля зрения, но в конце 70-х «К. х.» появились в Калифорнии, несколько лет выступали во второразрядных залах. В 1981 г. умер Хайт и группа распалась.

Изменения состава: 1968 — Кун, + Адольфо де ла Парра, уд.; 1969 — Вестайн, + Харви Мэндел, гит.

«CAPTAIN BEEFHEART AND THE MAGIC BAND» («Кэптен Бифхарт энд зе майджин бэнд») — «Капитан Бычье сердце и его волшебный ансамбль», группа образовалась в 1964 г. в США.

Исходный состав: Кэптен Бифхарт (настоящее имя Дон Ван Влийт), вон., санс., гармоника, бас, кларнет, нитайские гонги; Рай Кудер, гит.; Алекс Сент-Клер Снаффи, гит.; Джерри Хэндли, бас; Джон Френч, уд.

Выдающийся американский музыкант Ван Влийт сначала занимался скульптурой, потом увлекся музыкой и начал выступать в ритм-энд-блюзовых группах. В 1959 г. поступил в Калифорнийскую консерваторию, но вскоре бросил ее. В том же году познакомился с Ф. Заппой (о нем «Ровесник» писал в № 9 за прошлый год): результатом их дружбы стал псевдоним «Капитан Бычье сердце», «Волшебный ансамбль» и множество музыкальных идей, которые Ван Влийт принял в своих пл.

Первый диск «Безвредно как молоко» вышел в 1967 г., и сразу же в группе начались изменения состава, некоторые продолжаются по сей день. Второй альб. «Человек-зернало», 1968, представлял собой, как и первый, искусственную смесь джаза, блюза и рок-н-ролла, а аранжировки были крайне хаотичными.

Извлеченная опыт из собственных ошибок, «К. Б.» стал более осторожно экспериментировать со стилями, и к середине 70-х специалисты придумали его музыке название «метафизическое импровизирование на темы джаз-рок-н-блюз». Перечислить все пл. «К. Б.» просто невозможно, поэтому ограничимся теми, которые уже традиционно считаются лучшими: «Слепон с форели», 1969; «Безусловная гарантия», 1974; «Мороженое для вороны», 1982; «Голубые джинсы и лунный свет», 1984; «Легендарные записи» (мини-альбом, в который вошли ранее не издававшиеся вещи), 1986.

Стоит добавить, что в свободное время «Капитан Бычье сердце» рисует и все свои пл. оформляет собственноручно.

«CELTIC FROST» («Кельтик фрост») — «Кельтская суровость», группа образовалась в 1981 г. в Швейцарии.

Исходный состав: Томас Габриэль Уорриор, вок., гит.; Рид Сент-Марк, уд.; Мартин Эрин Айн, бас.

Уорриор и Марк встретились в 1979 г. в группе «Байбл винн», которая играла традиционную смесь рок-н-роллов и блюзов. В конце 1980-го музыканты познакомились с Айном, выступавшим в датской группе «Сноу-фолл», и решили объединиться. Первое выступление под названием «К. ф.» состоялось весной 1981 г. в родном Цюрихе.

Долгое время группа не могла заключить контракта на запись, но наконец в 1983 г. фирма «Нойз» (ФРГ) предложила музыкантам свою студию, и «К. ф.» записали свою первую пл., в которой в равной степени присутствуют блюз и рок-н-ролл, но все композиции аранжированы в очень жестком хард-роке — уже тогда в аранжировках прослушивался трэш-метал (см. далее «РЭР» на соответствующую букву), ставший впоследствии стилем группы.

Следующие работы «К. ф.» — «Рассказы Марбida», 1984; «Возвращение императора», 1985, и «В мегатерии», 1985, — свидетельствовали о творческом росте музыкантов, который достиг апогея на альб. «В ад», 1987: здесь в группе присоединился еще один музыкант, американ. гитарист Рон Маркс. Для этой пл. характерны сложные технические эффекты, виртуозные гитарные соло и умело выполненные аранжировки «под классику»: в записи принимал участие струнный ансамбль.

«CHARLES, RAY» Рэй Чарлз (настоящее имя Рэй Чарлз Робинсон), американский пианист, композитор, воналист. Родился 23 сентября 1930 г.

Начал играть на фортепиано в детстве. В шесть лет потерял зрение. С 1937 по 1945 г. учился в муз. школе для слепых, затем работал в различных оркестрах, играя на пианино и саксофоне.

Свой первый хит «Моя новая знакомая» Р. Ч. написал в 1955 г.: музыкант много экспериментировал с такими стилями, как госпел, блюз и кантри, и, по существу, «изобрел» соул. В 1957 г. Р. Ч. записал первую пл., в 1958 — вторую, «Великий Р. Ч.». Спустя год он пишет одну из самых своих знаменитых вещей — «Ну что сказать?!», которая обеспечила успех одноименной пл.

DEPECHE
MODE

ДЕПЕЧЕ МОД

Взять немного «Крафтвекна» и «Тэндженринг дрин», добавить ЭЛО, чуть-чуть «новой волны», нан следует перемешать, приправить (для пинкантности) неноторыми ходами из музыки Майна Олдфилда и получится... «Депеш мод». Без претензий на новизну, но слушается не плохо. «Музыка для всех» — так пресса онристила манеру этой английской группы, и так «Депеш мод» назвали свою последнюю пластинку. «А разве «для всех» — значит плохо?» — спрашивают Энди Флетчер, гитара, вокал; Алан Уайлдер, клавишные; Дэйв Гэхен, вокал, и Мартин Гор, гитара, вокал.

Вокальная манера Р. Ч., а также его поиски в стиле соул оказали огромное влияние на всех музыкантов мира. В 60-е гг. Р. Ч. проявляет интерес к джазу (опять-таки через призму соул) и записывает несколько пл. на стыке двух этих стилей: «История», 1963; «Улыбнись вместе со мной», 1964; «Автопортрет», 1969.

Р. Ч. записывает по несколько пл. в год, много гастролирует, пишет музыку к фильмам и театральным пьесам, помогает в студийной и концертной работе различным исполнителям. Влад Р. Ч. в современную музыку невозможно переоценить: не будь Р. Ч., возможно, не появились бы такие исполнители, как Стиви Уинвуд, Джо Конер, Манфред Мэнн и многие другие, считающие слепого пианиста своим духовным отцом.

Пл. 80-х: «Всё», 1980; «Не могу разлюбить тебя», 1980; «Просто Рэй», 1980; «Совесть и честь», 1981; «Безмолвный зов», 1982; «Вспоминаешь ли ты меня?», 1984; «Скажи правду», 1984; «Фантастический Р. Ч.», 1985.

«CHEAP TRICK» («Чип трик») — «Дешевый трюк», группа образовалась в 1974 г. в США.

Исходный состав: Робин Зэндер, вок.; Том Петерсон, бас; Рик Нильсен, гит.; Бан Карлос (настоящее имя Брэд Карлсон), уд.

Нильсен и Петерсон начали выступать в 1967 г. в группе «Грим рипер», затем сменили название на «Фьюз» и в 1969 г. записали посредственную пл. Группа долгое время гастролировала в Европе, но успеха не добилась.

В 1974 г. были приглашены новые музыканты и появился «Ч. т.». Поначалу группа исполняла мелодичные песни в стиле «Битлз», но, почувствовав, что так в звезды не пробьешься, изменила манеру и постепенно перешла к жесткому хард-року. Первая пл. «Ч. т.» вышла в 1977 г., в том же г. был записан альб. «В цвете», а композиции с диска «Райский вечер», 1978, попали в верхнюю часть амер. хит-парада. «Ч. т.» имели такой невероятный успех в Японии, что стали поговаривать о «новой битломании». (Запись одного из концертов в Японии появилась в 1979 г.)

В следующих работах «Ч. т.» продемонстрировали не-заурядные композиторские и поэтические способности: пл. «Надзор за сновидениями», 1979; «Поживей!», 1980; «Один к одному», 1982, стали «платиновыми». Затем активность «Ч. т.» несколько снизилась и пл. «Сюда, пожалуйста!», 1983; «Стоя на краю», 1985, внимания не привлекли. Альб. «Доктор», 1986, оказался более удачным.

Изменения состава: 1980 — Петерсон, + Пит Комита, бас; 1981 — Комита; + Йон Брант, бас.

«CHICAGO» («Чикаго»), группа образовалась в 1967 г. в США.

Исходный состав: Уолт Перри, духовые инструменты; Терри Кэт, гит., вок.; Пит Сетера, бас, вок.; Роберт Лэмм, клав., основной вок.; Уолтер Пэрэзейдер, санс., кларнет; Даниел Сирефайн, уд.; Джеймс Пэнкоу, тромбон; Ли Лоннейн, труба.

Школьные друзья Кэт и Пэрэзейдер в 1967 г. сформировали группу «Биг тинг», которая работала в манере «Блад, суэт энд тиэрз». В том же году они переименовались в «Чикаго транзит оторити» («Разрешение на транзитный проезд через Чикаго») и в 1969 г. выпустили дебютный альб. с песнями протеста, обработанными в стиле джаз-рока.

Вскоре музыканты сократили название до «Чикаго», и следующие две пл. «Ч.-2» и «Ч.-3» (1970 и 1971) продолжали разработки первого альб. Вплоть до 1977 г. («Ч.-11») группа работала в том же стиле, но неожиданная смерть Кэта в 1978 г. подтолкнула их к соул (с 1975 г. все пл. группы становились «платиновыми»). «Ч.» и по сей день придерживаются концепций джаз-рока.

Изменения состава: 1969 — Перри; 1974 + Лауди де Оливейра, уд.; 1978 — Кэт, + Донни Данус, гит.; 1979 — Данус, + Крис Пинник, гит.; 1982 — Пинник, + Билл Чэмплин, клав., гит.

ПОПРОБУЙТЕ убедить машину

19-летняя студентка Джейн, живущая в пригороде Нью-Йорка, искала работу на лето. В местном университете требовалась кассирша, и она предложила свои услуги. Девушка произвела хорошее впечатление, управляющему понравился ее здоровый вид и то, что у нее был опыт, так как она уже работала раньше в другом университете. Однако, прежде чем нанять ее, он потребовал, чтобы она прошла проверку на «детекторе лжи». Ей пришлось согласиться.

Через два дня Джейн пришла в контору экзаменатора, с которым университет заключил контракт. Ее встретил человек лет пятидесяти, объяснил принцип функционирования аппарата и предупредил, что он сможет обнаружить любой обман. «Это машина, вскрывающая истину», — сказал он. — «Она непогрешима». Затем он обернулся вокруг тела Джейн резиновые ленты двух пневмографов — одну вокруг грудной клетки, другую вокруг живота — для фиксации и обнаружения изменений ритма дыхания на этих двух уровнях. К двум ее пальцам он подсоединил датчики для измерения проводимости кожи, с тем чтобы можно было судить о ее электрическом сопротивлении. Ее рука была помещена в фигмоторонограф для наблюдения за артериальным давлением и пульсом. Вся эта аппаратура была соединена с детектором.

Экзаменатор включил систему и начал задавать вопросы. Вначале это были обычные вопросы: ее фамилия, возраст, домашний адрес, адрес школы. Но очень скоро они стали носить более инквизиторский характер. Написала ли она правду, заполняя карточку кандидата на работу? Крала ли она когда-либо что-либо? Ни разу, ни одной даже самой маленькой вещи? («Ну, не может быть, ведь все крали хотя бы один раз в жизни», — подбодрил ее экзаменатор.) Крала ли она на своем предыдущем месте работы или, возможно, пользовалась в этом плане услугами кого-то из друзей? Кто ее интимный друг? Чем он занимается? Какие напитки она пьет? Употребляла ли наркотики? («Неужели ни разу?»)

В то время как Джейн отвечала, че-

тыре самописца, связанные с четырьмя установленными на ее теле датчиками, вырисовывали кривые на бумажной ленте, но она их видеть не могла. Иногда экзаменатор повторял вопрос. Так, когда он спросил, забирала ли ее когда-либо полиция, она ответила: «Нет». Тогда он сказал: «Здесь что-то не так. Начнем снова». Джейн вновь ответила отрицательно, но экзаменатор вновь сказал:

«Опять что-то не в порядке. Вы в этом уверены?» Джейн была совершенно твердо уверена. Весь экзамен продолжался минут двадцать. Когда Джейн, взъерошенная, спросила его, каков результат, он сказал лишь: «Потом посмотрим».

На следующий день Джейн позвонила в университете. Управляющий ответил ей, что он не может принять ее на работу, поскольку она «не выдержала проверки», и отказался сообщать что-либо подробнее. Когда она спросила его, не связано ли это с вопросом об аресте, он ответил лишь: «Экзаменатор полагает, что вы что-то от нас скрываете. Я не могу принимать на работу таких, как вы».

История с Джейн далеко не единичный случай. Детектор лжи, или полиграф, созданный в 1921 году и широко используемый в США криминалистами, а также ЦРУ, вот уже несколько десятилетий играет все возрастающую роль на рынке труда. Считают, что ежегодно проверке на детекторе лжи подвергается свыше 2 миллионов человек, как уже работающих, так и желающих поступить на работу. Чаще всего услугами этого аппарата пользуются банки. Но сейчас подобные проверки получают все более широкое распространение и на других предприятиях, таких, как университеты, рестораны, магазины модной одежды,

В ЖИЗНЬ — ЧЕРЕЗ

Фуро КОЛОМБО,
итальянский журналист

Полицейская академия, о которой снято немало приключенческих фильмов и кинокомедий, на самом деле существует в Нью-Йорке, на Метрополитен авеню. В одном из коридоров Полицейской академии воссоздана точная копия тюремного отделения. В одну из камер, в которой находится только кровать, умывальник и туалет, поместили 11-летнюю школьницу Эмори Шип.

Перед тем как Эмори оказалась в тюремной камере, она прошла через все необходимые процедуры. У нее взяли отпечатки пальцев, заставив девочку обмакнуть пальцы в чернильный тампон, а затем оставить свои отпечатки на архивной тюремной карточке. У нее взяли анализ мочи, который нужен для того, чтобы определить, употребляет ли заключенный наркотики. Ее направили на исследование крови, обязательное для всех с тех пор, как существует опасность СПИДа. Заставили ее и дуть в трубку, чтобы выяснить, употребляла ли девочка спиртное.

Сняли две моментальные цветные фотографии в фас и в профиль, и как только она зашла за решетку, ей дали одно из самых странных тюремных развлечений — альбом для раскрашивания.

Девочка занялась раскрашиванием, покусывая губу. Весь день она провела в этой камере, где ей не с кем было перекинуться словом, и единственное, что

она слышала, это невнятные звуки, доносящиеся из соседних камер и коридора. Кто же такая Эмори Шип? Оказывается, вполне нормальная девочка, которая довольно неплохо учится в школе, живет с мамой (папа их оставил в свое время). И мать и школьные учителя считают ее серьезной и послушной девочкой.

«Тем не менее это никогда не рано», — замечает Энтони Делакорт, сотрудник отдела связи с общественностью Полицейской академии. — То, что мы делаем, кстати, с согласия школьных преподавателей, является программой массового тюремного воспитания подростков в возрасте до 14 лет. Вы спросите, почему таких молодых? Да потому, что после 14 лет очень сложно отучить молодого человека от вредных привычек. Наши данные свидетельствуют о том, что преступность легче всего проникает в среду самых молодых людей. Вот мы и хотим, чтобы они прочувствовали, что такое тюрьма, чтобы испугались ее».

Программа состоит в следующем: арестовывают группу детей, как преступивших закон. Чтобы исключить взаимную поддержку, а также самую возможность того, что ребята примут все последующее за веселительную поездку, их разъединяют и развозят по разным полицейским участкам, где они имеют дело только с агентами и инструкторами и где процедура ареста проходит своим чередом. То, что многие полицейские ничего не ведают об этой экспериментальной программе и уверены, что перед ними находятся настоящие малолетние пре-

писчебумажные магазины, автозаправочные станции — везде, где служащие могут иметь прямой доступ к деньгам или к товарам, которые легко украдут. Другие характерные черты, общие для всех этих предприятий, — низкая заработка плата, большая текучесть кадров и весьма слабые профсоюзы. По подсчетам Американской ассоциации промышленников, выпускающих полиграфы, 30 процентов от 500 наиболее крупных предприятий США используют этот аппарат как для отбора кандидатов при найме на работу, так и для проверки уже работающих, заподозренных в воровстве, или вообще периодических проверок честности своего персонала.

Правительство Рейгана также решило обратиться к услугам детектора лжи, ведя борьбу против преступного разглашения секретных сведений. Дважды президент отдавал приказ о том, чтобы некоторые служащие подверглись экзамену такого рода, но эти решения незамедлительно вызвали резкую ответную реакцию. В частности, государственный секретарь Джордж Шульц заявил Белому дому, что он предпочитает скорее подать в отставку, чем позволит подсоединить себя к одной из этих машин, а бывший директор ЦРУ Уильям Кейси назвал подобную проверку «унизительной». Приказы президента так и не были выполнены.

ТЮРЕМНУЮ КАМЕРУ

ступники (в Нью-Йорке, кстати, этим никого не удивишь), делает все еще более правдоподобным.

«Арестованный» ребенок должен пройти через многое, начиная от наручников и отпечатков пальцев и кончая тюремным одиночеством. «Самое жестокое для меня было снять свою одежду и нацепить вот это, — говорит Эмори, показывая на казенную тюремную рубашку. — Здесь у тебя забирают все, и сразу замечаешь, что ты уже не такая, какой была раньше. С тобой могут сделать все, что угодно». Почти все время простояла она перед решеткой. «Это в порядке вещей, — отвечает Делакорт. — Все те, которых мы задерживаем впервые, простирают, держась за решетку, и надеются, что вот-вот придет их сказочный ангел-хранитель и спасет их».

Учителя уверяют, что, хотя по-

Главную пищу для споров по поводу подобных проверок дают два основных обвинения: их неточность и вмешательство в частную жизнь человека. Испытание на полиграфе основывается на следующей теории: когда человек, подвергающийся проверке, боится, как бы не был обнаружен какой-то факт, этот страх вызывает в его организме определенные непроизвольные физиологические реакции — ускорение сердечного ритма, изменение артериального давления, учащение дыхания. Эти реакции могут быть замерены машиной и истолкованы экзаменатором. Таким образом, полиграф фактически реагирует на чувство страха, которым сопровождается лживое утверждение, а не на сам обман как таковой. Вывод же, что здесь что-то нечисто, делает уж сам экзаменатор, когда видит, что эти физиологические реакции при ответе на одни вопросы (называемые «существенными») более значительны, чем при ответе на другие вопросы (называемые «контрольными»).

Но те, кто выступает против полиграфа, утверждают, что реакции подобного типа могут иметь часто место и в том случае, когда человек говорит правду, но чувствует себя напряженно или испытывает возмущение. Можно привести теперь уже ставший знаменитым пример с женщиной, работавшей кассиршей, у ко-

торой спросили, допускала ли она когда-либо незаконное снижение цен, если покупки делала ее мать. Она ответила «нет», но машина зарегистрировала при этом резкую реакцию, и кассирша была уволена. В действительности же эта ее реакция была вызвана тем, что ее мать незадолго до этого умерла.

С другой стороны, реакции, несомненно, будут существенно различаться в зависимости от индивидуальности человека, подвергающегося проверке. Некоторые люди проявляют признаки напряженности, даже когда они говорят правду, в то время как опытные лжецы могут сохранять хладнокровие, стремясь обмануть того, кто задает вопросы.

В ноябре 1983 года в ответ на первую попытку президента Рейгана расширить применение полиграфа в федеральных службах Бюро технологических оценок (при конгрессе США) провело самый тщательный анализ имеющихся данных в этой области. В результате оно пришло к выводу, что известные на данный момент сведения не позволяют сделать вывод о надежности полиграфа как инструмента расследования. Бюро технологических оценок не нашло также доказательства эффективности использования этой системы для сокращения потерь и воровства в промышленности. Более того, в докладе бюро излагался целый ряд способов, к которым могут прибегать, чтобы не выдать себя, лица, сознательно решившие солгать. В этом же документе приводятся данные о точности показаний полиграфа, которая иногда может составлять всего 17 процентов.

Это было уже шестое исследование, проведенное конгрессом за 19 лет, и во всех случаях авторы приходили к выводу, что нет доказательств ни пригодности, ни надежности полиграфа в четком проведении грани между истиной и ложью. Бюро технологических оценок определило, что даже при расследовании конкретного уголовного дела — ситуация, в которой, как считают, детектор лжи дает более эффективные результаты, чем при опросах общего порядка, могут быть признаны виновными на основании данных этой машины 19 процентов ни в чем не повинных людей, которые были подвергнуты проверке. Генеральный прокурор штата Нью-Йорк Роберт Амбрасс, известный противник использования полиграфа, заявил в этой связи: «Эта цифра означает, что если бы все население Соединенных Штатов было проверено на детекторе лжи в рамках расследования какого-то конкретного преступления, то виновными могли бы быть признаны 43 миллиона».

В силу отсутствия научно обоснованных данных, доказывающих эффективность полиграфа, большинство американских судов не признает его результаты имеющими юридическую силу. Однако телевидение создало детектору лжи самую широкую рекламу. Благодаря многочисленным детективным сериалам, а также передаче о сенсационных процессах этот аппарат приобрел почти мифическую репутацию непогрешимости.

Перевел с итальянского
А. МАКСИМОВ

Трудящимся ежедневно приходится сталкиваться с тем, что им либо отказывают в приеме на работу, либо даже увольняют с работы из-за результатов проверки на детекторе лжи. А поскольку наниматели, как правило, отказываются сообщить эти результаты, их невозможно оспорить и хотя бы выяснить, не было ли это лишь предлогом для увольнения данного человека, в то время как истинные причины совсем иные.

Но даже если детектор лжи несовершенен, он может оказаться весьма полезным благодаря своей способности запугивать людей. Когда в 1971 году президент Никсон решил, что следует подвергнуть такой проверке некоторых работников федеральной системы, он сказал следующие слова: «Я ничего не понимаю в этих полиграфах. Я не знаю, точны они или нет. Но я знаю, что их будут очень бояться».

Но, возможно, самым серьезным фактором при использовании детектора лжи является вмешательство в частную жизнь индивидуума и, вероятно, большинство американцев согласится с мнением Джорджа Шульца, что быть подсоединенными к такой машине и вынужденным отвечать на нескромные, а подчас и оскорбительные вопросы, касающиеся самых интимных сторон личной жизни, представляет унижение человеческого достоинства. Несмотря на существующий закон против дискриминации, запрещающий нанимателям задавать лицам, желающим поступить на работу, вопросы о вероисповедании или семейном положении, экзаменаторы, работающие на детекторе лжи, очень часто в ходе допросов затрагивают подобные темы. Они задают вопросы, касающиеся сексуальных привычек, денежных проблем, состояния здоровья, вопросы о том, не лечился ли этот человек когда-либо в психиатрической лечебнице, не употребляет ли он наркотики.

Еще в 1977 году в исследовании по проблеме защиты частной жизни, проведенном по инициативе президента Картера, содержался вывод, что «полиграф, представляющий собой средство недопустимого вторжения в частную жизнь людей, должен быть запрещен».

В 20 федеральных штатах уже принятые законы, либо полностью запрещающие, либо ограничивающие использование работодателями полиграфа, а законо-проект, запрещающий его использование по всей стране, был одобрен палатой представителей, но отклонен сенатом. Кроме того, многие профсоюзы добились включения в коллективные договоры положения о запрете использовать детектор лжи, но эти коллективные договоры охватывают менее 20 процентов американских трудящихся, причем только из числа уже работающих, и не распространяются на желающих поступить на работу.

Таким образом, хотя оппозиция применению детектора лжи постоянно ширится и крепнет, в этом году еще более двух миллионов американцев смогут получить право зарабатывать на жизнь только в том случае, если сумеют убедить машину в своей честности.

ОТ ЭТОГО МОЖНО СВИХНУТЬСЯ

Сэлли ТИСДЕЙЛ,
американская медсестра

Мы здесь делаем аборты — вот и все, чем мы тут занимаемся. Меня одолевают усталость и мрачное настроение, мне кажется, что больше не выдержу, не смогу найти добрых слов, чтобы подбодрить прооперированную. Я выхожу из операционной, возвращаюсь в процедурный кабинет и через минуту разговариваю с восемнадцатилетней пациенткой. Она беременна в четвертый раз. Закатываю ей рукав платья, чтобы измерить давление, и обнаруживаю на коже россыпи бледных точек, следы от уколов. По-видимому, она давно колет наркотики: кожа на сгибе руки — сплошная рана, следы уколов на запястье. Она очень удивлена, узнав, что уже на четвертом месяце беременности. Подозреваю, ей часто приходится удивляться всем тем ударам, которые наносит ей жизнь. Я готовлюсь к следующему жалому и быстрому поражению человека...

Ох, эта наивность четырнадцати- и шестнадцатилетних. Они клянутся, что ни с кем не входили в половы отношения, многие не знают, от чего происходит зачатие, не могут поверить, что они беременны, считают, что подобные напасти их не касаются. Но здесь их лепет звучит куда иначе, чем в песочнице.

Когда я поступила сюда на работу, я не могла заставить себя обращаться к некоторым клиенткам иначе как «девочка». Они приходят такие юные, живущие резинку, в сандалиях на босу ногу — и нанесенная на ресницы тушь течет по щекам. Не могу представить их в роли матерей.

Я разговариваю с шестнадцатилетней девчонкой. Ее изнасиловали, она больна гонореей. Описывает ощущения беременности: остшая головная боль, нехватка дыхания, тошнота. «Иногда я чувствую себя как два разных человека. И тогда разговариваю с собой».

Я рассказываю, как будет проходить операция. Некоторое время она внимательно слушает, потом широко расстопыривает руки у живота: «Когда ребенок войдет в мой живот?» — спрашивает она.

Я остолбенела: «Что ты имеешь в виду?»

«Ну, — говорит она, улыбаясь, — когда женщина становится такой огромной,

ведь это значит, что ребеночек вылупился из яйца и вошел в живот?»

Мы оперируем девочку, ей всего четырнадцать. Все это время она смотрит на меня с глупой извиняющейся улыбкой.

Вот аборт сделан. Она приподнимается и бормочет: «Можно мне посмотреть?» — «Нет, запрещено», — говорю я сухово, потому что знаю: ей не хочется ЭТО видеть. Она принимает мой авторитетный отказ, и тень стыдливого облегчения пробегает по бледному, простоватому лицу.

«Как ты можешь такое выносить?» Даже клиенты спрашивают. Они видят аппарат, странные инструменты, кровь, уничтожение обещавшей быть жизни. Иногда я тоже это вижу: я смотрю, как в одно парализующее мгновение размягчается живот. И у меня внутри все сжимается от жалости и тоски. Но все, что мне остается, — перевести дыхание и заняться следующей пациенткой: задавать вопросы, выслушивая очередную историю, ничем не отличающуюся от предыдущей. Эта работа до предела банальна: одни и те же вопросы, одни и те же ответы, даже дрожащий тембр голосов один и тот же. Самое худшее — банальность приводящих сюда поражений.

Вот пишу об этой работе, и мне трудно объяснить, почему все-таки она привлекает меня. Мы здесь смеемся и шутим — мы друзья и коллеги. Я все время рядом с женщинами, которые во мне нуждаются, мне нравится вдруг ощутить связь, возникающую между мной и некоторыми клиентками, эти минуты, когда я чувствую себя сильной, но помнящей о своей слабости. Женщина в слабости тянется ко мне почерпнуть сил. Я предлагаю ей даже не силу — лишь на время какую-то точку опоры. Некоторые клиентки пробуждают во мне самое человеческое чувство, на которое я только способна, на других я сердусь, кусаю губы. Но в обоих случаях я вынуждена сдерживаться. Мы здесь обречены на рациональную жестокость, бесстрастный гуманизм.

Я словно на скале, стою с телескопом, передо мной — широкий горизонт, я могу его раздвинуть, могу сфокусировать внимание на деталях. Здесь высокое и этическое всегда преломляется в призме обыденного и повседневного. Как можем мы заниматься такой работой? Но как можем мы отказать? Каждый

аборт — это мера нашего поражения в том образе жизни, к которому мы пришли, неспособность защитить себя, быть самим собой.

Процедура очень проста. Я даю пациентке успокоительное, после чего веду ее в операционную, меж ее ног садится врач, орудует металлическими инструментами. Обычно все длится несколько минут. Долгие-долгие минуты.

Я научилась распознавать смысл теней, набегающих на лицо той, чьи руки я держу в момент операции. Я смотрю в ее глаза, трогаю ее цепочку на шее, гляжу ее волосы и спрашиваю о работе, о семье — сквозь туман она отвечает, мы разговариваем, наши лица друг против друга, глаза встречаются и расходятся. Я вижу, как крадется тень, и вдруг лицо темнеет, слезы бегут по щекам. Дрожь подбородка, резкие вдохи, всхлипы, они все громче. О, этот детский рев, как у ребенка, удариившегося о дверь. Вот и случилось: потеря стала реальностью.

Кто-то терпит, некоторые впадают в истерику, многие плачут... Коллеги признают, что от этой работы можно свихнуться, и поэтому предпочитают смотреть на вещи шире, не хотят фокусировать телескоп. Аборт — дело выбора, личная жизнь, контроль рождаемости. Неопределенность возникает лишь в тех

случаях, когда приходят слишком юные, не имеющие права сами решать вопрос о хирургическом вмешательстве. В таких случаях для нас характерны терпимость и нетерпение: излишние сложности, замедляющие дело. Мы очень заняты, чтобы размышлять над этикой.

Каждый день мне звонят рассерженные женщины, недовольные тем, что мы не можем их принять сегодня, утром, сейчас. Они спорят о цене, требуют провести операцию во внеурочный час, чтобы им не пришлось пропускать рабочий день или занятия в школе. Аборт стал повседневным, словно маникюр.

Я культивировала в себе некоторую черствость. Нет, не равнодушные, но я не хочу переживать каждую операцию — иначе как бы я выдержала здесь: мы делаем более ста абортов в неделю. Я стараюсь держаться в определенных рамках, за их пределами предоставляю пациентке самой тащить свою ношу, самой отвечать за свою жизнь. Я стараюсь ее не осуждать — и это моя ноша.

Недавно у меня была клиентка, совсем девочка. Ее мать — активистка движения за запрещение абортов. Дочь, словно преступница, пришла к нам: мы — плохие люди, у нас грязная работа.

Когда в клинику приходит почтальон и ставит у окошка регистратуры посылку, я медлю, прежде чем ее принять. Многие люди считают, что мы, делающие аборт, — убийцы. Читаю обратный адрес, прикидываю размер и вес коробки и, лишь когда убеждаюсь, что там нет бомбы, расписываясь на квитанции. Мы изучаем лица посетителей, тщательно закрываем двери, все мы тут настороже.

Мой первый вопрос на собеседование всегда один и тот же. Пока мы идем по коридору, усаживаемся в кресла и я просматриваю медкарту, я оцениваю собеседницу, ищу нужные слова и подходящий тон. С некоторыми я шучу, с другими по-приятельски болтаю, с третьими говорю по-деловому, но каждую спрашиваю: «Вы уверены, что вам хочется сделать аборт?» Большинство кивает с мрачной всезнающей улыбкой, другие ищут оправдания, некоторые морщатся и говорят: «Пожалуйста, не произносите это слово».

Я рассказываю об операции, избегая слов «боль», «ребенок», но почти каждая спрашивает, насколько будет больно. Я делаю надрез на указательном пальце для анализа крови — они отворачиваются, их руки дрожат. А в конце беседы мне задается и этот, самый тайный вопрос: «Насколько большой ребенок сейчас?» И я успокаиваю, немного вру, чтобы цепляющаяся за жизнь сила ослабела.

Иногда меня терзает осознание: насколько потенциально человеческое, подкупающе-беспомощное и чистое это существо, оно бередит во мне отчаянную нежность, едва я представлю, чем все это могло стать. Но в такие минуты я думаю о том, какая зловещая сила за-

ключена в самой беспомощности и зависимости эмбриона от человека, способная разрушить всю его жизнь. Я представляю рыдающую девчонку, слышу вздох после операции, значащий многое больше, чем просто чувство облегчения.

В определенном смысле аборты существуют благодаря нашей способности ставить вопросы. Если бы связь человека и эмбриона была бы столь же бескомпромиссной, как в природе, абортиров бы не было. Не было бы ничего важнее, чем растить потомство. Иногда я завидую бескомпромиссности природы.

Мы здесь делаем ультраскопию, когда не можем точно определить срок беременности. Получаем на дисплее серое изображение эмбриона и по ширине черепа, бедра или таза выясняем число недель. Чтобы читать ультраскопическое изображение, нужна практика. Сначала видишь лишь поле, расчерченное словно углем. Но вот — быстрое, ритмическое движение — это бьется сердце. Вот легкий овал — это череп... Что-то не найду ногу. Вдруг эмбрион шевелится, голова поворачивается, рука движется вдоль экрана. Нет, от этой ноши мне никуда не деться. Я знаю, что он чувствует. Существует, за которым я тайно наблюдаю, хочет от меня лишь одного — чтобы его оставили в покое. Но именно это я не могу.

Женщины делают аборты, потому что слишком старые и слишком юные, слишком бедные и слишком богатые, слишком глупые и слишком умные. Мы говорим о выборе. Но выборе чего? Кругом я вижу лишь невыполненные обещания жизни, прожитой словно серия непреодоленных препятствий. Сладкое, светлое обещание любви и нежности, блистающее обещание образования и карьеры, теплое обещание семьи и верности. Обещание свободы от поражений и вероломства. Свободы от своей природы.

Аборт — тончайший мостик между добротой и жестокостью. Это милосердное насилие. Так пристреливают загнанных лошадей.

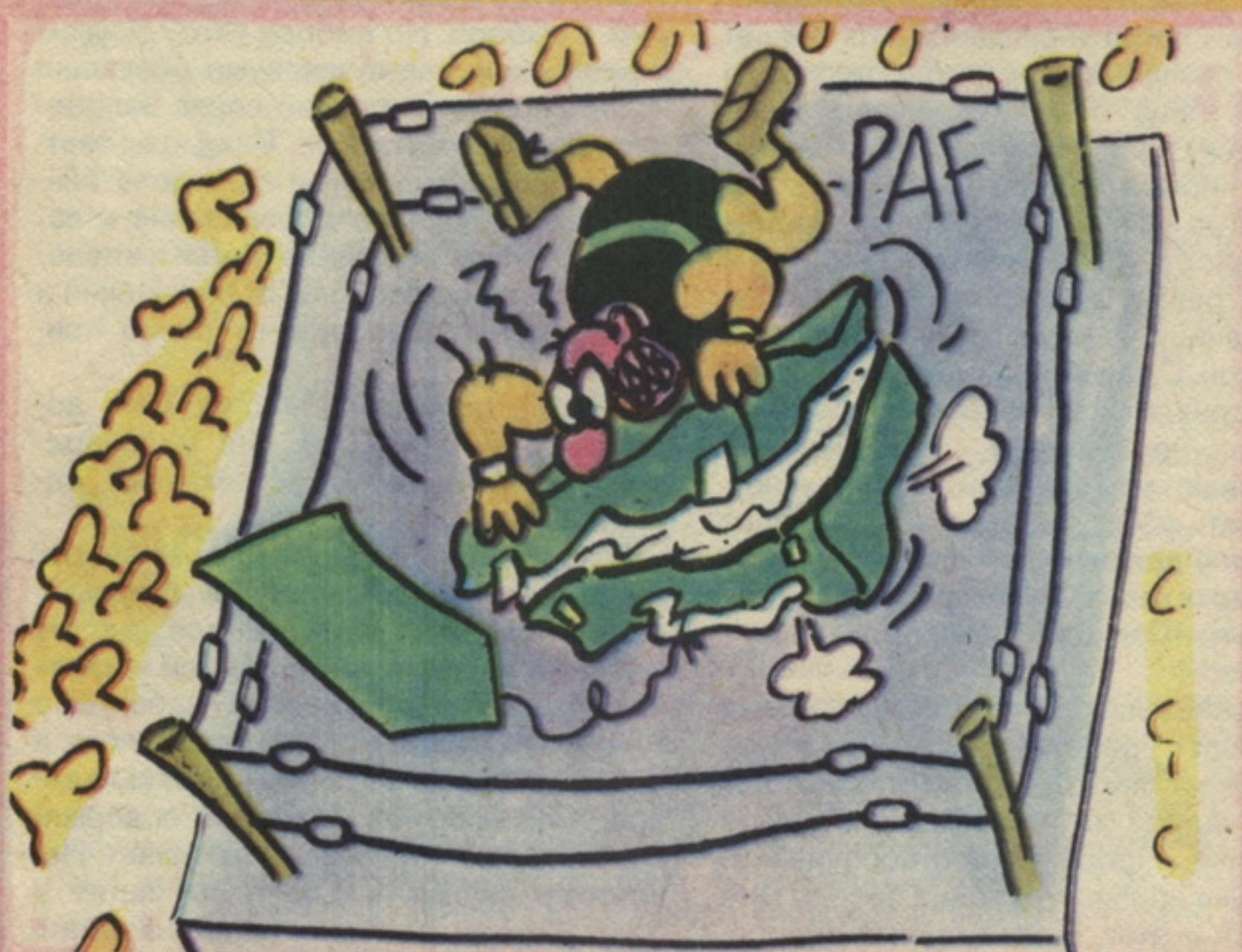
В конце дня я чищу камеры аппарата, отсасывающего кровь, кровь сливаю в сток. Из стока поднимается густой, влажный запах, теплый, земной — запах чего-то, только что живого. Я забочусь о том, чтобы шахта стока не засорялась, и слишком большие куски складываю в ведро. Официальное название содержимого ведра — «органическая ткань». Некоторые скажут, что мое соучастие в операциях не дает мне права называть ЭТО никак иначе. Я осторожно высыпаю содержимое в полиэтиленовый мешок, который сдаю в холодильник — на следующий день мешок сожгут в крематории. Закрываю дверь холодильника и представляю мир, где все это не будет нужно. Потом возвращаюсь в мир, какой он есть.

Перевел с английского В. ГАВРИЛОВ

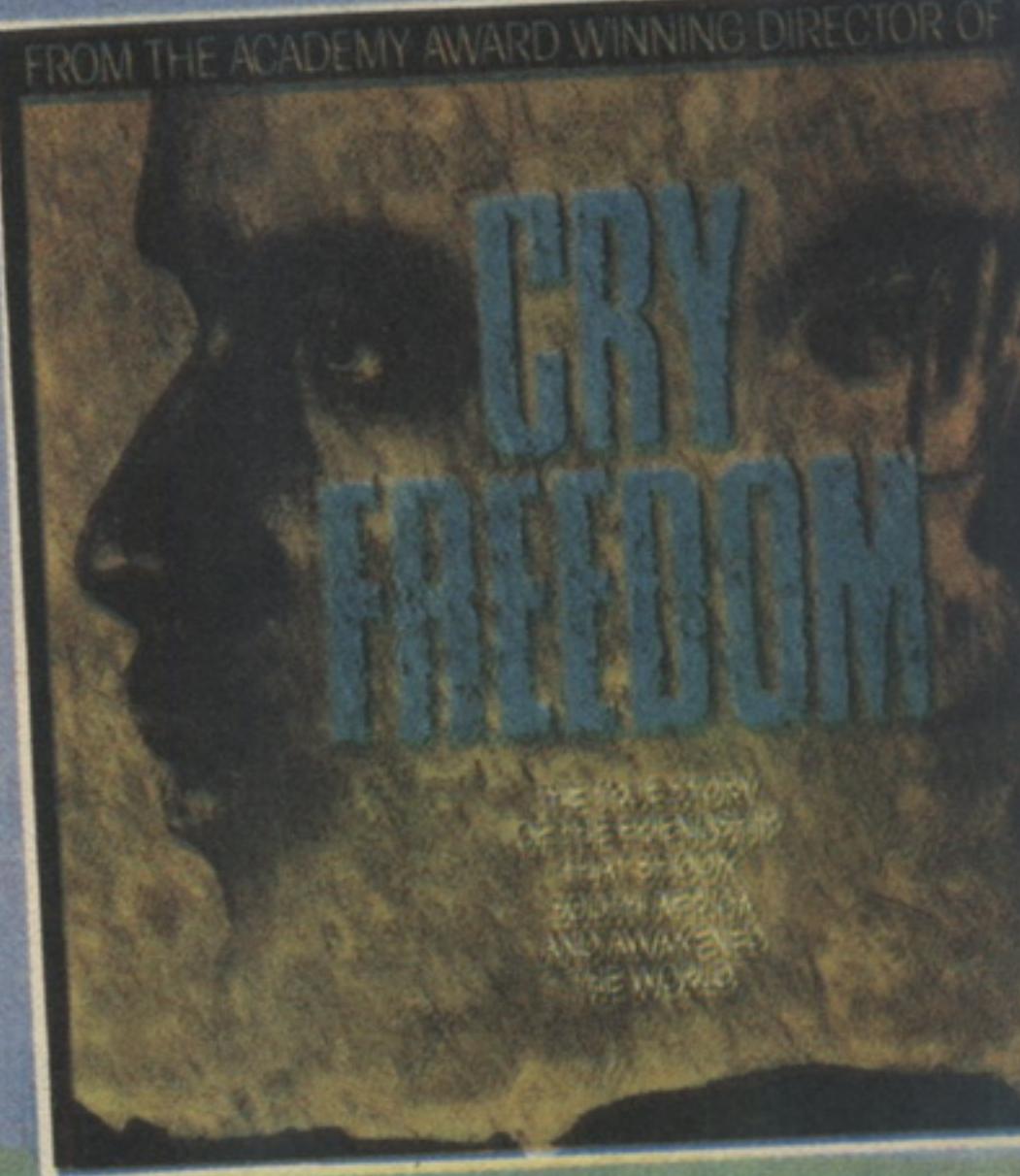

ЭТОТ ЗНАМЕНИТЫЙ СОВЕТСКИЙ АГИТАЦИОННЫЙ ФАРФОР «выплыл» недавно на одном из лондонских аукционов. Его вывез в свое время из молодой Советской Республики шведский инженер, помогавший восстанавливать наши железные дороги, и в те далекие годы эти тарелки были «просто тарелками». Так бы они и пылились в шкафу потомков инженера, если бы не разразившийся на Западе бум нашего искусства начала двадцатых годов.

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ. Точнее — отпускные. Перед вами чемодан. Мягкий — для поездок поездом, жесткий — для самолета, при разгрузке которого чемоданы часто бросают. Итак: а) обувь и вообще все тяжелое укладывается к стенке, противоположной ручке; б) белье не складывается, а скручивается. Брюки следует положить на дно чемодана, на них укладывают сорочки и блузки (чтобы воротники не мялись, «набейте» их носками), затем сорочки прикрывают штанинами — теперь они как в конверте; в) платья, юбки и прочие мнущиеся вещи кладут сверху; г) туалетные принадлежности рекомендуется проверять: плотно ли закрыты тюбики и флаконы; д) не кладите в чемодан начатую баночку растворимого кофе!!!

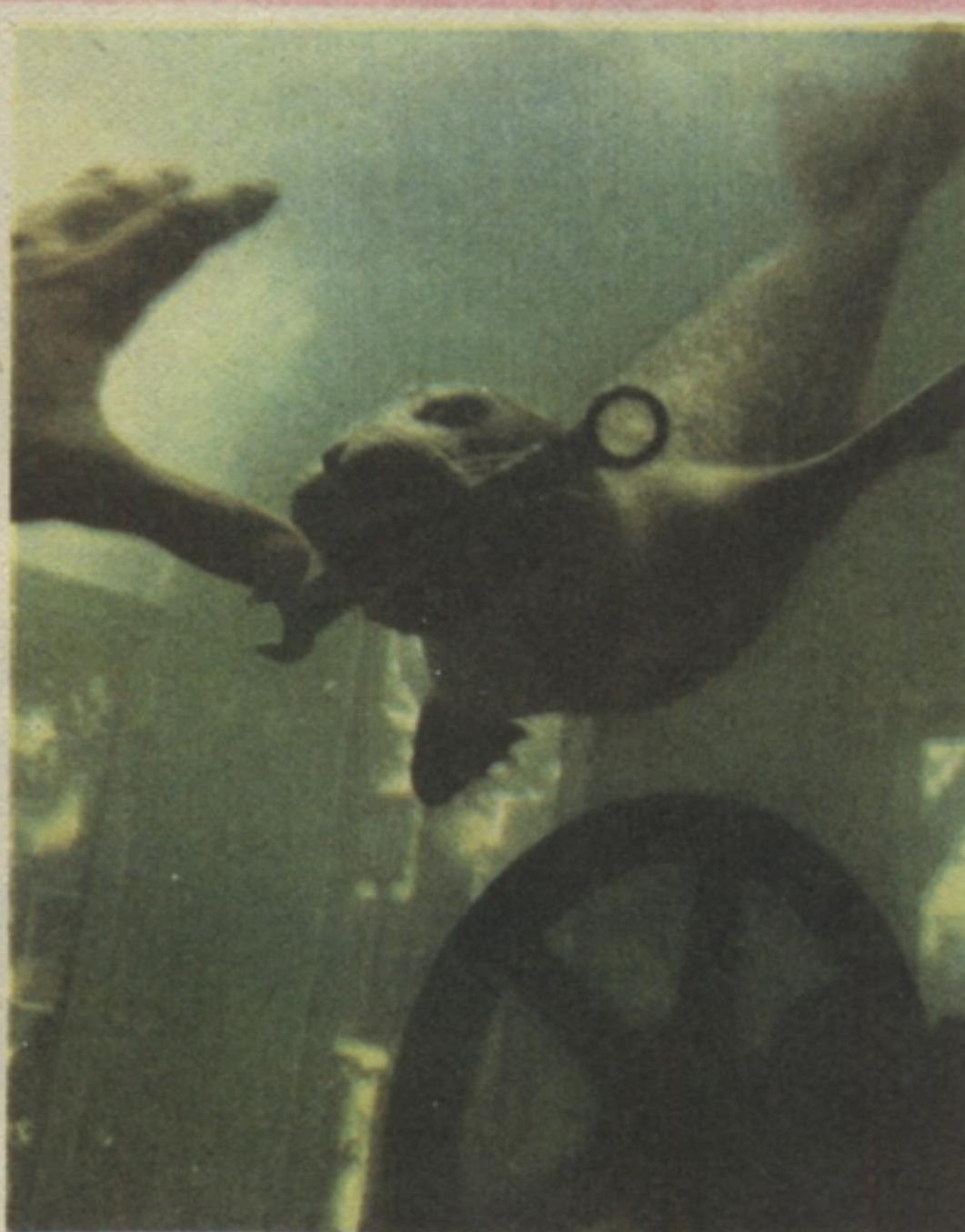
«КЛИЧ СВОБОДЫ» — так называется новая работа английского режиссера Ричарда Аттенборо, известного и нам, и всему миру по прекрасному фильму «Ганди». В «Кличе свободы» два героя. Это Стивен Бино, один из лидеров борьбы против апартеида, зверски убитый в тюрьме. И его друг — журналист Дональд Вудс, для которого знакомство со Стивеном Бино стало толчком к изучению и глубокому постижению истории борьбы чернокожих жителей ЮАР за свои права. После издания книг «Бино» и «В поисках бури» Вудс — белый либерал — вынужден был эмигрировать в Великобританию, иначе и ему грозило заключение.

История настоящей дружбы, история борьбы против расизма и апартеида — об этом фильм Аттенборо, музыку к которому написали знаменитые рок-музыканты Джонас Гванга и Джордж Фентон.

ЭТО — КАРНАВАЛ В РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО. Пятьсот тысяч блесток, тысяча пятьсот павлиньих и две тысячи страусиных перьев, пятьдесят метров бус, четыре килограмма драгоценностей (искусственных), работа шести мастеров в течение полугода — и тогда не стыдно показаться в день карнавала на авенида Самбадондо. При этом костюм будет весить не меньше тридцати пяти килограммов, да и праздничный головной убор не легче шлема конкистадора. Рекомендуется еще мантия из крохотных квадратных зеркал, но это будет стоить дороже — около четырех тысяч долларов, что составляет двухлетнюю зарплату среднего бразильца.

ТВ ПОКАЗАЛО — ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Певец Ден Хэрроу стал обладателем приза популярности «Золотой Отто-87», после чего сам стал чем-то вроде приза. Встреча с Деном наряду с другими призами — велосипедом, черными подтяжками, магнитофоном и пр. — разыгрывалась в лотерее между читателями западногерманского журнала «Браво». Самой счастливой претенденткой на встречу с мечтой оказалась шестнадцатилетняя Кристина Томас, которая получила право провести в обществе своего кумира два дня. Журнал «Браво», захлебываясь от восторга, сообщает, какое подарки получила Кристина от Дена — это, бесспорно, повышает ценность выигрыша и, возможно, даже увеличит число подписчиков. Брависсимо, «Браво»!

«СЕНБЕРНАРЫ ПУЧИНЫ» — заглавили свой фотоочерк о тюленях корреспонденты журнала «Лайф». Порода псов-сенбернров, как известно, была выведена в Альпах специально для того, чтобы помогать попавшим в снежные заносы путникам. Три симпатичных тюленя — Сириус, Стенли и Рэзелег вот уже три года работают в одной из американских лабораторий, расположенных на берегу Атлантического океана. Разыскивают потерпевших кораблекрушение, помогают спасателям-водолазам, определяют подводные повреждения в корпусах судов и даже выручают береговую полицию, когда торговцам наркотиками удается выбросить свой «товар» за борт.

ВАПН обратилось сорок зарубежных изданий с просьбой помочь в организации интервью с чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым. Взяв на себя роль посредника, молодежная редакция АПН собрала все интересующие мировую прессу вопросы и передала их чемпиону мира. «Ровесник» публикует наиболее характерные вопросы различных изданий и ответы Гарри Каспарова.

«**В.С.Д.(Франция):** Теперь, когда вы бесспорный чемпион мира, какую крупную цель перед собой ставите? Касается ли она шахмат или совершенно другой области?

Каспаров: Даже когда я был, по вашему мнению, спортивным чемпионом мира, у меня были конкретные цели, которых я добивался.

Крупная цель — вне шахматной области, это прежде всего создание сети детских компьютерных клубов в СССР, на развитие которых была отдана вся сумма с моей рекламы компьютеров на Западе. Эта проблема еще далека от решения, и я еще долго буду над ней работать.

Что касается шахматных вопросов, то начиная с 15 февраля 1985 года, когда господин Кампоманес вопреки спортивным принципам закрыл наш матч с Карповым, я боролся и буду бороться за создание демократичного шахматного движения, против тоталитарной власти одного человека.

Создание Международной ассоциации гроссмейстеров я считаю большим успехом. Она должна помочь в наведении порядка в шахматном мире.

«**Депортис**» (Аргентина): После шахмат какой ваш любимый вид спорта?

Каспаров: Футбол.

«**Республика**» (Панама): Кого вы считаете самым лучшим шахматистом за всю историю шахмат?

Каспаров: В глубине души — себя (смеется). Если серьезно: каждый чемпион — эпоха в шахматах.

«**Физкультура и спорт**» (Вьетнам): Все, кто следил за матчами, увидели резкий прогресс в вашей игре. Как вы думаете, он достигнут в результате вашего природного таланта или особых методов подготовки с тренером, или же благодаря упорным занятиям и научно обоснованной методике? Если так, просим рассказать о методике работы с тренером, а также о способах подготовки, которые мы могли бы использовать у себя.

Каспаров: Шахматы настолько индивидуальны, что универсальной схемы быть не может. Тем более сложно пытаться подогнать свою методику к способам подготовки чемпиона мира, у которого в команде несколько помощников.

Когда я готовлюсь к важным турнирам, работаю по пять часов не вставая. Редко больше: опыт показал, что далее продуктивность резко падает.

В эти творческие дни я ощущаю

ИНТЕРВЬЮ СО ВСЕМ МИРОМ

шахматы буквально кончиками пальцев. Вот тогда и приходят новые идеи. Конкретно, чем я занимаюсь в это время, сказать не могу — ведь я еще действующий шахматист, и у меня есть свои «военные тайны». Скажу лишь, что всегда уделяю большое внимание физическому состоянию. Я никогда не курил. После возвращения из Севильи позволил себе лишь бокал шампанского. И все, больше у меня поводов для «расслабления» пока не было. Непосредственно перед матчем я много плаваю, благо сборы почти всегда проходят на побережье Каспия, играю на пляже в футбол, бегаю босиком по кромке моря километра три-четыре, люблю теннис. Какого-то специального психологического тренинга у меня нет. Хорошая шахматная и физическая форма — вот основа психологического равновесия и выдержки.

«**Физкультура и спорт**»: Мы часто сравниваем матч между вами и Карповым с матчем 1927 года между Алехиным и Капабланкой. Мы говорим, что это поединок двух личностей, двух стилей, двух очень различных точек зрения на шахматы. Что думаете об этом сравнении вы и о различиях

между вами и Карповым в отношении этого?

Каспаров: Абсолютно верно, только необходимо иметь в виду то, что Алехин и Капабланка никогда не пересекались в сфере социально-личностной, чего нельзя сказать о нас с Карповым.

«**Физкультура и спорт**»: Вы создали организацию — Ассоциацию гроссмейстеров. Просим рассказать о целях и задачах, деятельности в настоящее время. Что касается тех регионов мира, где шахматы не пользуются большой популярностью, что вы лично и ваша организация планируете сделать для их популяризации?

Каспаров: ФИДЕ не в состоянии справиться с увеличивающимся потоком организационных изменений в шахматах. Федерация, мне думается, в целом выродилась как организация, так как ее структура позволила одному человеку и его приспешникам полностью захватить власть и превратить казну ФИДЕ в свою кормушку. Поэтому рассчитывать на новый подъем вместе с федерацией невозможно. Для этого создана Международная ассоциация гроссмейстеров, которая

выполнит неотложные задачи: откроет шахматную дорогу спонсорам, по-настоящему приведет к шахматам прессу, телевидение, организует новые турниры, активно будет способствовать популяризации игры во всем мире.

Никто не собирается лишать власти ФИДЕ. Она должна существовать и выполнять свои функции. Речь идет лишь о коррумпированной верхушке ФИДЕ, она должна уйти.

«Физкультура и спорт»: И последний, нескромный вопрос: есть у вас невеста? Сейчас многие имеют жен или мужей, которые любят тот же вид спорта, что и супруг или супруга. Собираетесь ли вы жениться на шахматистке?

Каспаров: Есть у меня невеста или нет – дело мое личное. Но требование к ней одно: она не должна играть в шахматы. Меня одного на семью вполне хватит.

«Антени» (Болгария): Что, кроме шахмат, заполняет ваши дни?

Каспаров: Личная жизнь чемпиона мира, когда он не обдумывает новые шахматные комбинации, ничем не отличается от личной жизни любого человека. В ней лишь времени намного меньше, потому как работа над шахматами отнимает много часов. Плюс масса общественных обязанностей, как у любого, кто на виду и кто от них не прячется: я президент двух организаций. Первая – Международная ассоциация гроссмейстеров, вторая – детский Московский компьютерный клуб, который, надеюсь, скоро станет все-союзным.

Когда же выбирается свободное время, то люблю гулять, читать, плавать (если это лето и я на побережье родного Каспийского моря), играть в теннис. В общем, занимаюсь всем тем, чем занимаются мои сверстники.

«Антени»: Если бы вы все начали сначала, выбрали бы вы шахматы?

Каспаров: В шесть лет – а именно столько было мне, когда я нашел ответ шахматной задачки, над которой бились мои родители, – не особо выбираешь. Получается, что шахматы сами нашли меня.

«Антени»: Кто из советских и зарубежных спортсменов вам наиболее интересен?

Каспаров: Диего Марадона, Катарина Витт, Андрей Чесноков – за их выступлениями я слежу с наибольшим интересом. Мне особенно импонирует и близок стиль Марадоны. Взрывной, комбинационный, артистичный. Если забыть, что он играет в футбол, а я в шахматы, то у нас одинаковый подход к делу.

«Антени»: Каковы были бы ваши шансы в сеансе одновременной игры против десяти сильнейших шахматистов по рейтингу ФИДЕ?

Каспаров: Браться за такой сеанс просто абсурдно. Но если бы такой матч состоялся, наверное, крупно не проиграл бы, но проиграл бы точно.

«Антени»: Что вы думаете о Фише-

ре? Приглашен ли он в Международную ассоциацию гроссмейстеров?

Каспаров: Да, мы предложили Роберту Фишеру принять участие в работе ассоциации, но наше приглашение осталось без ответа. Я всегда высоко ценил этого шахматиста. К сожалению, перегрузки, которым он себя подвергал, оказались роковыми. Человек не может быть рабом своего таланта – талант должен служить человеку.

«Антени»: Какой вопрос вы задали бы сами себе и как бы вы на него отвечали?

Каспаров: Разговаривать с самим собой? До этого я еще не дошел.

«Насьональ» (Венесуэла): Как вы можете объяснить ту критическую ситуацию, в которой оказались в недавнем матче за мировое первенство? Некоторые это приписывают отсутствию вдохновения, чего не было прежде, другие – чрезмерному увлечению вопросами шахматной политики и руководством мировым шахматным сообществом. Верно ли это?

Каспаров: Эту критическую ситуацию я объясняю нервным истощением и у меня и у Карпова. Вряд ли кто-либо способен выдержать без серьезных последствий такой изнурительный марафон, каким стала наша с Карповым борьба. Она, как известно, началась 9 сентября 1984 года и завершилась 19 декабря прошлого года. Сорок месяцев противоборства. 120 партий. Руководство ФИДЕ сделало все, чтобы истощить наши силы. И тут уж, как говорится, не до вдохновения.

Я часто слышу – вот если бы Каспаров играл только в шахматы... Если бы я только играл в шахматы, не отдавая время и силы борьбе за справедливый шахматный порядок, вряд ли я стал бы чемпионом мира. Кроме того, политическая пассивность противоречит моей жизненной позиции.

«Насьональ»: В последнее время женские шахматы достигли заметного прогресса. Как вы думаете, достигнут ли шахматистки когда-нибудь такого уровня, чтобы на равных сражаться с мужчинами в таких серьезных соревнованиях, как турниры и матчи претендентского цикла?

Каспаров: Нисколько не умаляя достигнутого женщинами, замечу, что исторически шахматы – прерогатива мужчин. Мужская нервная система лучше приспособлена к противоборству, а шахматы – это борьба интеллектов, доказательство своего преимущества над соперником. Лучшие шахматистки способны играть изящно, комбинационно, но вряд ли они смогут выдержать изнуряющий марафон претендентского цикла.

«Аш-Шабаб ва Ар-Риада» (Объединенные Арабские Эмираты): Ваша мама повсюду сопровождает вас. Ее забота, чувства, видимо, играют большую роль в вашей жизни. Есть ли у вас еще кто-нибудь, чьи чувства дороги вам?

Каспаров: Скажу сразу, что мама сопровождает меня только во время матчей за звание чемпиона мира и трени-

ровочных сборов, то есть там, где при долгом пребывании вне дома надо создать нормальные бытовые условия.

Ее помочь, поддержка неоценимы. После смерти моего отца в 1971 году вся жизнь мамы без остатка посвящена мне и моим делам.

Да, есть на свете девушка, чьи чувства дороги мне. Но у меня уже есть печальный опыт излишней откровенности в личных вопросах.

«Аш-Шабаб ва Ар-Риада»: Считаете ли вы шахматы основной профессией и не собираетесь ли вы в будущем заниматься еще чем-нибудь?

Каспаров: Да, шахматы – моя основная и единственная профессия. Вся остальная активность так или иначе связана с шахматами. Мне сейчас 25 лет, и о далеком будущем я пока не задумываюсь. Слишком много дел сегодня.

«Аш-Шабаб ва Ар-Риада»: Что означает для вас женщина в вашей жизни? Видите ли вы какие-то отличительные черты в советских женщинах?

Каспаров: Женщина в моей жизни означает, вероятно, то же, что и в жизни любого нормального мужчины.

«Старт» (Чехословакия): Что из себя представляют, на ваш взгляд, такие понятия, как «счастье», «дружба», «жизненный идеал»?

Каспаров: Я связываю с этими понятиями все то, что вкладывало в них тысячетиями человечество. Я чувствую то, что чувствует любой нормальный человек, говоря: «любовь», «дружба». Что касается «жизненного идеала», то для меня это выражение непонятно. Означает ли оно наличие кумира? Или под ним подразумевается сумма правил, которыми каждый руководствуется в своей жизни? Если второе – то, как и у каждого, у меня есть жизненные принципы, которых я стараюсь придерживаться.

«Старт»: Самый трудный момент в вашей жизни и как вы вышли из него?

Каспаров: Пока для меня самым трудным моментом в жизни – во всяком случае оставившим самый тяжелый след в памяти – стал промежуток между окончаниями 23-й и 24-й партий в последнем матче.

После поражения в 23-й партии я вечером пошел к своим тренерам: играл в карты, старался развеяться и не думать о счете. Я понимал, что судьбу матча решит не шахматная тактика, а психологический маневр. Затем заставил себя успокоиться и выпасть – кстати, заснул быстро, без сновидений.

На партию я пришел с твердым убеждением – поддерживать мираж ничьей. Мой же соперник явился оформлять победу, и чем дальше откладывалось торжественное подписание, тем больше нервничал, стремился к упрощению. Вероятно, думал – пусть будет хуже, но проще. До тридцатого хода белые не пересекали демаркационную линию, а как только перешли ее, позиция черных стала

проигранной. Карпов купился на несложный психологический трюк. В день доигрывания по нему было видно, что в ничью он уже не верит. Не ясно было лишь одно — на каком ходу он сломается. Карпов сломался на третьем же ходу.

«Старт»: Как вы переносите популярность?

Каспаров: Я давно уже понял, что популярность — неизбежная спутница человека, оказавшегося на вершине. Тем более какое-то время на ней пребывающего. А раз так, то мешает она или нет, к ней надо относиться спокойно, — допустим, как к природным явлениям, которые от тебя не зависят. Скажем, как к дождю или снегу.

«Просесо» (Мексика): Может ли, на ваш взгляд, соперник за шахматной доской стать другом в повседневной жизни?

Каспаров: В общем-то да. Практика показывает, что могут сохраняться хорошие отношения, если не применяются грязные методы. Со многими молодыми советскими гроссмейстерами — Артуром Юсуповым, Сергеем Долматовым, Рафаэлом Ваганяном, Львом Псахисом — у меня товарищеские отношения, хотя мы играли и будем играть друг против друга в турнирах. Дружи я и с американцем Ясером Сейраваном, которому я, например, проиграл на шахматной олимпиаде.

«Турун саномат» (Финляндия): Некоторые теоретики шахмат считают, что человек в конце концов победит машину, поскольку он в состоянии использовать «сознательные ошибки во время игры». Предполагается, что компьютер расценивает некоторые ходы как ошибочные, однако человек идет на это сознательно. Что об этом может сказать чемпион мира?

Каспаров: Извините, но в этом вопросе все поставлено с ног на голову. Машина не может выиграть у хорошего, а тем более выдающегося шахматиста. И никогда такое время не наступит. Утверждать обратное — значит считать, что компьютер будет лучше людей писать книги, сочинять музыку. Шахматы не голая математика — это и логика, и фантазия, и интуиция.

Что касается «сознательных ошибок», то однажды, давая в 1985 году сеанс 32 шахматным компьютерам, я получил трудную позицию, но, используя «алогичную» идею, добился победы. То есть речь шла о некорректной комбинации, опровержение которой лежало за пределами расчетной досягаемости компьютеров. Впрочем, на других досках особая изобретательность не потребовалась. Счет 32:0.

«Турун саномат»: Вам предлагали переехать за границу? Рассматривали когда-нибудь серьезно этот вопрос? Сколько месяцев в году вы проводите вне дома на матчах?

Каспаров: У людей хватало ума не предлагать такую глупость открытым текстом. Ведь я серьезно к таким предложениям никогда не относился. В

детстве предлагали мне переехать в другие республики, такие условия обещали, сказка! Каждый должен иметь дом, куда ты возвращаешься, и это поддерживает в трудную минуту. Мой дом в Баку, хотя в нем я бываю меньше месяца в году. Три-четыре месяца провожу на сборах в Загульбе — это поселок в сорока километрах от Баку, остальное время — в Москве или на турнирах.

«Турун саномат»: Как гласность и перестройка влияют на вашу жизнь в родной республике и на вашу работу?

Каспаров: Вполне возможно, если бы не наступил апрель 1985 года — начало времени гласности и перестройки, — я бы никогда не стал чемпионом мира.

«Аль-Ватан аль-Араби» (Египет): Обозреватели описывают вас как человека, постоянно находящегося в высокой степени нервного напряжения. Чем вы это объясняете? Часто ли вы бываете недовольны решениями судей?

Каспаров: Я не считаю, что нахожусь постоянно на взвесе. Зачастую за это состояние принимают проявления моего характера. Я человек темпераментный, эмоциональный. Эти черты свойственны южным людям, родившимся на Кавказе. Я действительно люблю играть и действовать с напором. Нервное напряжение, как правило, проявляется при затянувшемся соревновании, быть на пределе постоянно невозможно — рискуешь сорваться.

Судейством за последние годы я был недоволен всего лишь раз, когда югослав Святозар Глигорич поддержал волевое решение Кампоманеса о прекращении нашего первого матча с Карповым 15 февраля 1985 года. Других претензий к судьям не имею.

«Альгемайн цайтунг» (ФРГ): Вот уже почти два года как Баку и Майнц стали городами-побратимами. Уже проявлено много положительных инициатив. Но пока лишь немногим избранным представляется возможность совершить путешествие с Востока на Запад. Наступит ли когда-нибудь день, когда простой гражданин сможет войти в Бюро путешествий на бакинской улице и без труда приобрести путевку в Майнц?

Каспаров: Хочу верить, что такой день наступит. Я, безусловно, «за». Но не надо забывать, что чемпион мира — лицо неофициальное, я высказываю лишь свое личное мнение.

«Альгемайн цайтунг»: Вас нельзя упрекнуть в недостатке самокритичности. Вы сами себя охотно называете сорвиголовой и бедовым парнем. Есть ли люди или достижения, которые вызывают у вас восхищение?

Каспаров: Да, лихой я человек (смеется). Не будем говорить о восхищении, в этом есть что-то разовое. А уважение вызывают «крутые люди», делающие невероятные вещи, например альпинист Мейсснер, ныряльщик Майоль. 102 метра туда (показывает рукой вниз) — это фантастично! Воз-

можности человека, величие его духа — вот что вызывает уважение.

«Трибуна люду» (Польша): Благодаря каким вашим качествам вы смогли стать самым молодым чемпионом мира в шахматах? Мы имеем в виду краткую характеристику вашего таланта.

Каспаров: Просто у меня крепкая нервная система. Я считаю себя человеком целеустремленным и в какой-то мере фанатичным. Есть к тому же еще один важный момент — в целом я не плохо играю в шахматы.

«Импакто» (Мексика): Верующий ли вы? Если да, то какой религии придерживаетесь?

Каспаров: Верю в судьбу. В ее предопределение, но надо делать все возможное, чтобы оно осуществилось. Этого может не произойти, если стоять на месте. Я — за активные действия.

«Импакто»: Кто был для вас самым сложным соперником? Существуют ли, на ваш взгляд, отличные шахматисты в других странах, кроме СССР?

Каспаров: Самый сложный соперник для меня — это я сам. Когда я в настоящей форме, то у меня нет соперников.

«Импакто»: Ваши доходы как шахматиста. Сколько вы получаете денег?

Каспаров: Я получаю от Государственного комитета СССР по физической культуре и спорту стипендию 400 рублей в месяц. Других постоянных доходов у меня нет. Я написал несколько книг и получил за нихличный авторский гонорар. Получаю премии от выигранных турниров. Правда, из-за четырех подряд матчей за шахматную корону, проведенных в последние три года, в турнирах почти не участвовал. Что касается суммы за матчи с Карповым, то в Севилье был самый высокий приз — 2 миллиона 854 тысячи франков. Поскольку матч закончился с равным счетом, приз был поделен пополам и каждому досталось по 1 миллиону 140 тысяч франков. 500 с лишним тысяч забрал Флоренсио Кампоманес, как он сказал, на развитие шахмат в мире, но это разговор особый.

80 процентов полученной суммы я передал в Государственный комитет СССР по физической культуре и спорту. Часть из того, что у меня осталось, отдал тренерам, ведь в моем успехе есть и их заслуга. Хочу подарить одному из детских домов автобус. Вообще, считаю своим моральным долгом заниматься благотворительностью.

«Импакто»: Ваше мнение о себе самом как о человеке?

Каспаров: Это та самая область, где лучше всего представить право на оценку другим. Но, как говорил герой одной сказочной сатирической пьесы, популярной в СССР: «Я гениален — что скрывать!» (Хохочет.)

«Комерсио» (Перу): Признаюсь, что в Севилье многих журналистов, освещавших матчи, интересовала не только шахматная информация. В частности, мы много говорили о том, как Ка-

спаров и Карпов относятся друг к другу. Некоторые утверждали, что Каспаров испытывает к своему сопернику антипатию и даже страх. Так ли это?

Как вы относитесь к Карпову как шахматисту и человеку?

Каспаров: Должен сказать, что если я и испытывал страх в матче в Севилье, то не по отношению к своему сопернику, а к собственной игре. Я даже не представлял себе, что буду так плохо играть. Тем не менее Карпов превзошел меня не смог.

Расскажу по этому поводу короткую историю, популярную в шахматных кругах. Играли два известных гроссмейстера, и когда один проиграл другому, то проигравший воскликнул в сердцах: «Он же играет как хороший второй разряд». На что последовала невозмутимая реплика победителя: «К счастью, мне и этого хватило».

Могу несколько перефразировать: к счастью, и такой моей игры хватило, чтобы не проиграть матч.

К Карпову как человеку отношусь плохо, то есть так, как он заставил меня к себе относиться. Но за доской мои фигуры играют против фигур Карпова.

«Юнге вельт» (ГДР): Вы возродили школу экс-чемпиона мира Михаила Ботвинника. Как вы нашли для этого время и какую пользу лично получаете от этой работы?

Каспаров: 10 ноября 1985 года на пресс-конференции по поводу окончания матча, когда мне впервые удалось стать чемпионом, я сказал, что возрождение школы Ботвинника — мой долг перед советскими шахматами, которые меня вырастили. Это и мой долг перед самим Ботвинником, которого я считаю своим духовным наставником. И нет таких событий, которые могли бы меня оторвать от проведения традиционных осенних и весенних двухнедельных сессий в школе Ботвинника. Правда, из-за матча в Севилье последнюю осеннюю сессию пришлось провести в августе.

Но время не стоит на месте, и сейчас нужно думать о реорганизации всего советского детского шахматного движения.

«Юнге вельт»: Ваш учитель Михаил Ботвинник однажды сказал: «Каждая борьба за шахматную корону стоит года жизни». Что думаете вы по этому поводу?

Каспаров: Мне приятно, что вы цитируете моего учителя, спасибо. Однако это высказывание относится к далеким, я бы сказал, идеалистическим временам. Сейчас цена матча за корону возросла как минимум вдвое.

«Юнге вельт»: 36-летний голландец Ханс Бон установил новый мировой рекорд в сеансе одновременной игры. Из 560 партий он одержал 509 побед, добился 38 ничьих, 13 — проиграл. Привлекает ли вас подобное выступление?

Каспаров: Ядержано отношусь к рекордам такого рода. Это уже не шахматы, а шоу. Сеанс с 25 кандидатами в мастера для меня серьезная нагрузка.

Но если играть с тысячью новичками, то можно выиграть и у тысячи. Какое только отношение это имеет к спорту?

«Юнге вельт»: В чем вы видите заслугу шахмат в развитии вашей личности?

Каспаров: Жизнь шире шахматной доски. Нельзя сказать, что моя личность — это прежде всего шахматы, хотя они в моей жизни ежедневны и ежечасны с тех пор, когда в шестилетнем возрасте я нашел решение шахматной задачки, над которой бились мои родители.

«Юнге вельт»: Как решился ваш спор с испанским телевидением, когда вам надо было пробежать 100 метров быстрее 11 секунд?

Каспаров: Одно замечание. Если бы я бегал с результатом меньше 11 секунд, то входил бы в число сильнейших легкоатлетов, а не сильнейших шахматистов. Речь шла о невыходе из 12 секунд. Руководители моей команды и тренеры категорически запретили мне готовиться к этому забегу. Не хватало времени на шахматную подготовку. Мне пришлось только извиниться перед испанским телевидением.

«Чесс ин Эйша» (Филиппины): Ваша неординарная и творческая игра вдохновила миллионы людей обратиться к шахматам. Что бы вы посоветовали им? Как вам удалось достичь такого мастерства?

Каспаров: Любить шахматы, играть в них, изучать шахматную литературу. Есть древняя формула: «Талант — плюс труд». Правда, процентное соотношение того или иного компонента расценивается по-разному, в зависимости от поставленной цели.

«Чесс ин Эйша»: Как проистекает ваш мыслительный процесс? Как вам удается создавать столь фантастические комбинации? Появляются ли они сами собой, или они — результат какой-то системы, которую вы применяете в определенных ситуациях?

Каспаров: Как? Этого никто не знает. Если бы знали, давно бы скопировали.

«Чесс ин Эйша»: Сколько часов в день вы отдаете шахматам? Опишите ваш рутинный день.

Каспаров: Мой распорядок дня самый обыкновенный: днем работаю, ночью сплю. Если нет целенаправленной подготовки к турнирам, то пишу комментарии к сыгранным матчам, читаю, занимаюсь огромным количеством общественных дел — одна Международная ассоциация гроссмейстеров чего стоит.

Распорядок дня на сборах устоялся и не меняется уже годами. Утром плаваю, играю в теннис или футбол, немного сплю, потом обед. Затем вся команда пьет чай (дань кавказским традициям, ведь сборы всегда проходят у меня на родине, в Азербайджане), и мы обсуждаем газетные новости, а потом напряженно работаем.

«Чесс ин Эйша»: Обладая такой известностью и внешностью, вы наверняка пользуетесь популярностью у

женского пола. Что вас больше привлекает в девушках?

Каспаров: Никогда над этим не задумывался, так и запишите. Наверное, потому что привык принимать во внимание совокупность факторов.

«Мадьяр хирлап» (Венгрия): Со дня появления Карпова на мировой арене в шахматах наблюдается процесс омоложивания. Это подтверждает и тот факт, что вы стали чемпионом мира в 23 года. Означает ли это, что сокращается период творческого расцвета шахматистов? Кто станет, по вашему мнению, следующим чемпионом мира?

Каспаров: По моему мнению, мы подошли к самому оптимальному пределу, во всяком случае для обозримого будущего. Обладатель высшего шахматного титула, кроме чисто спортивных достоинств, должен иметь и достаточный жизненный опыт. А это вряд ли придет к 20 годам.

Испанское автономное агентство: Сколько обычно чемпион мира рассчитывает вариантов или ходов в шахматной партии?

Каспаров: Обычно 5–6, иногда и 15. Все зависит от типа позиции.

Испанское автономное агентство: Чем вы увлекаетесь, помимо шахмат? Какие книги читаете, какую музыку слушаете?

Каспаров: Досуг чемпиона мира по шахматам вряд ли отличается от досуга любого человека. Люблю гулять, читать, плавать, играть в футбол и теннис.

Мой особый интерес лежит на стыке философии и истории. Недавно прочел роман Томаса Манна «Иосиф и его братья».

Испанское автономное агентство: Чем вы объясняете абсолютное советское превосходство в шахматах?

Каспаров: Еще в дореволюционный период шахматы в России стали популярной игрой. А после Октябрьской революции получили крупную государственную помощь. Матчи за шахматную корону обсуждались не горсткой специалистов, а всем народом. Такое отношение к шахматам позволило создать стройную систему поиска и отбора в огромном море способных любителей, прежде всего детей, а также обеспечить их целенаправленную подготовку.

Не могу утверждать, что эта система идеальна, поскольку идеальных систем вообще не существует, к тому же она иногда давала сбои. Годы застоя не миновали и шахматы, сегодня необходимо многое исправлять в шахматной сфере. В частности, довольно сильно отстаем по количеству и качеству специальной шахматной литературы от западноевропейских стран, в первую очередь от Англии и Голландии. Но тем не менее маxовик 20–30 лет назад был раскручен так сильно, что бороться с нами в обозримом будущем вряд ли удастся. Нельзя забывать и о масштабах и ресурсах нашей страны. Хотя в последнее время отдельные поражения участились, и это не может не тревожить.

СУБСИДИИ-РОКУ?

Джон РОКУЭЛЛ, американский журналист

Журнал «Биллбординг» недавно сообщил, что австралийское правительство выделяет значительные денежные средства на стимулирование развития рок-музыки: только в 1985 году на эти цели из бюджета было ассигновано более 50 тысяч долларов. Вопросы, которые сейчас возникают в этой стране относительно рок-музыки, касаются того, кто будет ответственным за фонды, насколько важно привлекать для гастролей мировые знаменитости рока, а также каковы критерии финансирования.

Для нас, американцев, интересен уже сам факт вложения общественных средств в рок-н-ролл. Это интересно хотя бы потому, что выдвигаются различные аргументы в пользу мнения, что рок вовсе не искусство, а обычный шум, раздаются громкие голоса о связях рок-музыки с большим бизнесом, под сомнением даже социальная значимость рока.

Не надо думать, что Австралия безболезненно миновала стадию нападок на рок — нет и еще раз нет, все было точно так же. Просто общественное мнение в этой стране настолько сильно, что поддержка, которую получила рок-музыка, оказалась сильнее скептика: остается надеяться, что нечто подобное произойдет и во всем остальном мире, в том числе и у нас, в Америке.

Чтобы понять причины такого нашего недоверия к рок-музыке, есть смысл обратиться к истории других музыкальных стилей. Классическая музыка была способом развлечения аристократии, которая совершенно искренне полагала, что лишь она, аристократия, способна развивать и улучшать общество в целом, то есть была сформулирована аксиома: раз мы достойны и великолепны, достойна и великолепна наша музыка, и, естественно, наша музыка заслуживает всеобщего признания, поскольку это уже не только наша музыка, а музыка для всех!

В Германии, например, оперные театры обычно содержались за счет королевской казны, точнее, частного королевского фонда (такое положение сохранялось очень долго, и подобная практика считалась вполне нормальной даже после первой мировой войны, во времена Веймарской республики), хотя при смене строя эти фонды пополнились парламентскими субсидиями, то есть финансирование фактически осуществлял сам народ.

Эта традиция «королевской» поддержки искусств стала нормой и в странах с избираемыми правительствами, их бюджеты предусматривают подоб-

ные отчисления, как это происходит, например, в ФРГ. Такие отчисления из бюджета имеют и социальное значение, поскольку традиция «классической музыки» к концу XIX века стала ассоциироваться с буржуазным искусством, а «средние классы» исподволь пропагандировали «свою» музыку, убеждая общество в ее врожденных (то есть народных) достоинствах, а значит, и в том, что она также заслуживает общественного признания и поддержки.

Сегодня проблема состоит в том, как убедить тех, кто уверен в абсолютной ценности классической музыки и ее явном превосходстве над всеми остальными «музыками», в целесообразности поддержки и «неблагородного искусства». Это довольно сложно, но необходимо, поскольку давление на тех, кто любит такую музыку, вызывает ответную реакцию — не лучше ли проявлять хотя бы минимальное уважение к предмету любви миллионов или хотя бы попытаться их понять?

Не прошло и пятидесяти лет, и отношение официальной Америки к джазу изменилось на диаметрально противоположное. На очереди рок? Я не перегружаю, этот вывод напрашивается сам собой. Джаз тоже поначалу называли «дикарской» музыкой, и хотя в конце 20-х годов нашего века он стал наиболее мощной формой популярной музыки, он, как и сегодняшний рок, сопровождался эпитетами «зловещий», «коммерческий», «низкопробный» и пр.

Однако в наши дни джаз (или «черная классическая музыка») уважительно принимается на самом высоком уровне: его пропагандируют в академических кругах, искусство джаза преподают в самых престижных консерваториях, учрежден национальный фонд в поддержку джазовых музыкантов. В самом начале этого года было объявлено о новой финансовой программе под названием «В помощь композиторам», в программу включены такие категории, как классическая музыка и джаз (но ни единого слова о роке).

Итак, джаз стал респектабельным, и причин для этого три. Во-первых, у этого жанра уже достаточно богатая история, а это означает солидный репертуар и настоящую армию поклонников и исполнителей. Во-вторых, благодаря целой когорте выдающихся исполнителей джаз превратился в связующее звено между белой и черной культурами, что привело к взаимному проникновению этих культур, к взаимному духовному обогащению, а это, в свою очередь, способствовало финансированию жанра. Но, наверное, самое главное — и это в-третьих: у джаза

появился конкурент в области «низкопробности», «гнусности», «продажности» и пр. — рок-н-ролл. И джаз отпустили с миром, обрушившись всеми нерастраченными силами на «новенько-го».

Но, позвольте, у рок-музыки тоже есть своя история и свои сторонники! Рок пропустил через себя целое поколение художников и интеллектуалов, которые выросли вместе с рок-музыкой: они восхищаются роком, пишут о нем книги, ставят фильмы, преподают рок. Они уже учредили «Зал славы рока», в который входят самые достойные музыканты и композиторы. И лишь небольшого усилия достаточно для того, чтобы современные полупрофессиональные группы превратились в виртуозные ансамбли, играющие «академический рок-репертуар».

Но, как и джаз, сумевший в конце концов преодолеть предвзятое отношение и доказавший, что он есть высокое искусство, так и рок постепенно обретает «права гражданства». Хотя еще рано говорить, что отдельные рок-группы вроде «Генезис», чьи музыкальные достоинства признаны повсеместно, или «Токинг хэдс», тексты которых пользуются уважением самых серьезных литературных критиков, убедили противников рока, что настоящее всегда настоящее, независимо от формы. Главное — в появлении мощного основного потока рок-музыки с такими певцами-композиторами, как Пол Саймон и Брюс Спрингстин, в наличии крепкого ядра рок-вокалистов и композиторов, способных составить самую серьезную конкуренцию «классикам» — вот это, пожалуй, наиболее точно отражает культурное и духовное значение рок-музыки.

Звезды ворочают миллионами и поэтому, возможно, не нуждаются в общественной финансовой поддержке. Такие звезды сами готовы оказать поддержку молодым людям независимо от того, хотят ли эти молодые посвятить себя року или принять участие в политической жизни страны. Тот же Спрингстин, невзирая на негодование профессиональных политиков, финансирует избирательную кампанию «своего» кандидата в сенат США: музыкант считает, что его протеже, молодой человек, «прежде всего честен, а остальное не столь важно». Австралийская группа «Миднайт ойл» приобрела такое большое влияние среди противников гонки вооружений, что выдвинула своего вокалиста Питера Гарретта кандидатом в австралийский сенат от партии ядерного разоружения.

Если бы мы в Америке стремились

О-моему, я имел все шансы получить, что называется, «по роже». Велев мне садиться, супермен холодно разрешил начать интервью, щелчком вернулся через стол мою визитную карточку и улыбнулся. Чинно сидя напротив «Мистера Вселенная», я как будто возвращался в те школьные времена, когда смыслом жизни кажется одно — не признавать никаких кумиров. А после уроков тебя поджидают свои доморощенные «конан-варвары» — дворовая шпана, готовая «поговорить» об ошибочности мнения юных хлюпиков о стальных мускулах. Теперь мне представилась возможность беседовать с их кумиром — Арнольдом Шварценеггером.

Тогда, в 70-е, у нас никто еще не видел его фильмов, но все знали, о чем «Геракл в Нью-Йорке» и «Качай железо!». Мутные любительские фотографии, переснятые из журналов, гуляли по полтиннику по школе и украшали, несмотря на протесты родителей, стены в коммуналках. Лица на них было не разобрать, но главное было не лицо актера, а его мускулы и решительность позы. По ним легко домысливалось, на что способна сила. И потому что сильными в отличие от талантливых не рождаются, быть похожим на своего кумира казалось самым верным способом не потеряться среди себе подобных.

Быть кумиром — это работа. Уже более двадцати лет он не дает поклонникам ни малейшего повода сомневаться в его возможностях. Никакой слабины. Кажется, и цели Арнольд Шварценеггер ставит перед собой только ради того, чтобы их достигнуть. Стать чемпионом мира по культивизму. «Мистером Вселенная». Самым сильным человеком. Самым богатым бизнесменом. Показать всем сильный характер.

Да, в характере ему не откажешь. Его просто невозможно не заметить. Характер — в одежде, подчеркнуто не выдающей горы мышц, и в стальной ноте в голосе, «гармонирующей» с зафиксированной на всю нашу беседу позой, в которой только и можно диктовать ответы на вопросы, и в том, как он вдруг пригвоздил пальцем строчку в моем блокноте и потребовал прочесть, записано ли то очень важное, что он только что сказал. Его лицо ясно говорило, что он не верит никому, кроме себя. «Уберите многоточие!» — сказал он. И я понял, что делиться с кумиром моего двора своими сомнениями о пользе существования института куми-

выдвигать в органы власти тех, кто действительно представляет интересы народа, прежде всего нам надо было бы обратиться к звездам «политического» рока: подобным кандидатам требуется поддержка на настоящем, низовом уровне. А для многих рок-музыкантов, независимых фирм грамзаписи и радиостанций участие в политической борьбе означает и борьбу против стремления свести их деятельность к удобному «общему знаменателю».

Но надо сказать, что и политики начинают понимать значение рок-музыки: выступая на ее стороне, они гарантированно обеспечивают себе нужные

БУДЬ ГОЛОДНЫМ

Рассказ о встрече в гостинице «Советская» с кумиром американских подростков, знаменитым культуристом Арнольдом Шварценеггером, приехавшим в СССР, чтобы сняться на Красной площади в американском детективе, где он исполняет роль капитана советской милиции Ивана Данко.

ров нужно осторожно... Многоточий и иных неопределенностей он не любит.

— Слышали ли вы песню группы «Твистед систер» «Будь голодным»?

— Не помню.

— Эта песня была хитом 1984 года. Она посвящена вам. Довольно ироничная песенка.

— Ирония по поводу мускулистых кумиров мне знакома. Глупая ирония. Она просто защитный рефлекс безволия. Люди должны понять, что занятие культивизмом не только и не столько развитие тела, это дисциплина, самоотдача, целенаправленность. Подчинение всего себя главной цели. Культивизм не физкультура, которую человек делает для удовольствия. Он учит всему — прежде всего преодолевать себя. А «будь голодным» — это моя философия. Это значит: если ты достиг цели, не «сиди» на ней, намечай новую, еще более невероятную. Будь голодным. Жизнь — погоня за самой фантастической целью.

— Вашим кумиром, вы как-то сказали, был Юрий Власов.

— Да, вы, конечно, знаете, какой это человек.

— Я считаю его очень умным и интеллигентным человеком.

В 14 лет — это было в 1961 году — Арнольд Шварценеггер уговорил своего приятеля взять его с собой в Вену, где проходил чемпионат мира по тяжелой атлетике. Там в тренировочном зале он наконец увидел того, кого буквально боготворил.

— Я смотрел на Власова как на бога. Я хотел стать таким же сильным, как он.

— Вам хотелось, чтобы вы тоже были чьим-то кумиром?

— Нет, моя цель была стать чемпионом мира. Но кумиры людям нужны. Не для поклонения — для помощи. Кумир — это помогает. Мне это помогло в учебе, в тренировках, в кино.

— Итак, у вас был кумир и была цель, то есть все необходимое для успеха.

— Цель и кумир — это нечто взаимосвязанное. Для любого человека важно найти свою одну, единственную, главную цель. Определить, что ты хочешь больше всего, по-настоящему. Но как только эта цель определена, важно не пропустить следующий этап — ясно, отчетливо, образно увидеть ее, чтобы она всегда была перед глазами. И этот образ цели есть ваш кумир. Тогда любая работа становится легкой. Даже двенадцать часов тренировок не будут для вас слишком. Потому что любое «слишком» не будет вызывать в вас отрицательных эмоций.

Что значило для меня тренироваться по пять часов ежедневно? Только то, что я ежедневно на эти пять часов приближался к своей цели — стать чемпионом. Но если перед вами нет цели, все усилия абсолютно бесполезны.

Но и это еще не все. Чтобы в конце концов прийти к своей цели, нужна еще сила желания. Когда хочешь — вынесешь все... (Вы записали? Это важно... Ну-ка прочтите, что вы тут записали.) Только из этих двух компонентов — цель плюс сила желания — рождается третий: сила воли.

— Все эти качества, как я понимаю, должны формировать у человека сильный, привлекающий людей характер. Скажите, а цель можно поставить перед собой любую?

— Да, цель может быть любой, — сказал он, медленно протягивая свою знаменитую правую руку для рукопожатия. — Все, интервью закончено.

Его тут же обступили дежурящие в гостинице поклонники, красивые статные ребята-культуристы. Он, не смущаясь, разрешил им пощупать свои бицепсы. Те, кого оттеснили назад, шепотом спрашивали меня, что он сказал.

Сергей КОЗИЦКИЙ

голоса молодых избирателей, тогда как по другую сторону баррикады такой гарантии может не быть. Если исходить из этих соображений, то року недолго осталось ходить в пасынках.

Такое развитие событий вполне возможно и даже где-то неизбежно, но столь же неизбежна и оппозиция. Неудивительно и то, что против всеобщего признания рока выступают некоторые рок-музыканты, считающие, что слияние этого искусства с «большим бизнесом» и государственной политикой приведет к потере бунтарского начала рока, а значит, к его самоликвидации.

Что ж, возможно, они и правы, но, как бы там ни было, вряд ли что может остановить «одомашнивание» рок-музыки и ее одновременное признание. Не следует пугаться и появления низкопробных образцов рока. Человечество во все века «производило» изрядную долю «вульгарщины», а поскольку ни одно искусство не свободно от этого элемента, начиная от Пикассо и Веласкеса и кончая Вагнером, Берн斯坦ом и Брюсом Спрингстином, нет ничего плохого, если мы это честно признаем. И если что-то под названием «рок» достойно поддержки, то почему бы не обсудить такую возможность?

Перевел С. КАСТАЛЬСКИЙ

Ни один музыкант в мире не может сравниться с Иегуди Менухиным по тиражам пластинок.

Его родители были выходцы из России. Он родился в 1916 году в Нью-Йорке. В четыре года начал учиться играть на скрипке, а в семь лет — в Сан-Франциско — уже дал первый концерт. После стажировки у знаменитого скрипача Дж. Энеску И. Менухин исполнил Концерт для скрипки Бетховена. В одиннадцать лет. А в тринадцать уже играл на скрипке Страдивари. Это право получают виртуозы.

Сегодня Иегуди Менухин — легенда своего времени. Но не только как виртуозный скрипач. Он — писатель, историк, меценат. Он основал в Англии свою школу для музыкально одаренных детей. Он помогал композиторам, заказывая им произведения. Именно по его заказу написаны лучшие сочинения Бартона.

«Я мечтал воплощать в жизнь уто-

Иоганн Себастьян Бах

Иегуди Менухин, американский музыкант

армония ни в чем ранее не являлась человеку такой впечатляющей, как в звуках большого соборного органа. От приходских церквей сенегальской провинции Казаманс до канадского Квебека он звучал как единый звук, звук гармонии.

То было величайшим достижением европейской музыки: множество голосов, каждый из которых вел свою собственную мелодию, звучали отныне вместе, хором, как один голос. Может быть, истоки этой гармонии скрыты глубоко в прошлом, в смешении народов, кочующих по Евразии в погоне за уходящим солнцем. Осев в конце концов на европейском полуострове, требуя, чтобы каждого из них выслушали на его собственном языке, эти народы начали учиться тому, как существовать. Никогда раньше столь разнообразные культуры не оказывались вместе на столь маленьком пятаке земли. Для музыки это означало, что рано или поздно в ней должен был появиться поистине вселенский человек, и такой человек для меня — Иоганн Себастьян Бах, композитор, органист, скрипач, учитель и слуга христианства.

У Баха есть и страсти и безмятежность, поскольку в его эпоху средоточием эмоциональной жизни была религия. Библейские заветы воспринимались как символы, как слепок повседневной жизни людей. Каждый новорожденный ребенок неизменно встречался как его, бога, боль и печаль, его восхваление и воскрешение, его любовь. Страсти в музыке Баха — это страсти человечества. Это не та музыка, которая говорит: «Я чувствую, мне больно, я страдаю»; она говорит: «Мы чувствуем, нам больно, мы страдаем — и принимаем все это».

Так же как язык становился объединяющим фактором среди германских племен, такой композитор, как Бах, преодолевал пропасть между музыкой церкви и народной музыкой. «Бранденбургские концерты», созданные в огромной мере на основе народных танцев, прекрасный пример такой эволюции. Бах был немцем, верным лютеранином, но если в мире существует музыка, которую можно определить как принадлежащую всем временам, то, на мой взгляд, музыка Баха должна быть первой в этом ряду. Иоганн Себастьян Бах был слугой музыки, но также и ее владельцем.

Можно сказать, что Бахи вынужчили Северную Германию. Какой другой род на протяжении стольких поколений давал миру так много выдающихся композиторов и исполнителей? Отец, дядя, деды Иоганна Себастьяна Баха все были музыкантами, точно так же, как его братья, сыновья и племянники. Влияние семьи Баха — ось формирования немецкого музыкального вкуса, отражающего те времена, когда имя Иоганна Себастьяна стало во всей Северной Германии синонимом музыки.

Иоганн Себастьян был лучшей ветвью баховского рода. Подобно Генри Пёрселлу¹, он был всесторонне совершенным музыкантом. Так же как Пёрселл, он начинал певчим в хорах — известно, что он обладал одним из чистейших, настоящих сопрано во всей Саксонии. К восемнадцати годам он уже зарабатывал на жизнь как скрипач и органист. Фактически его жизнь бедна на события. В ней не было сцен триумфа, как у Генделя² в Англии. На протяжении двадцати лет он был придворным музыкантом и только потом получил пост регента в церкви св. Фомы в Лейпциге и учителя в школе при этой церкви. В списке кандидатов на этот пост он был только третьим. Двое его

конкурентов от регентства отказались. Бах держался за эту работу всю жизнь. На конкурс он представил святым отцам ни много ни мало «Страсти по Иоанну», которую те расценили как достаточно скучное и старомодное произведение. В каком-то смысле святые отцы были правы, ибо Бах знал и восхищался музыкой старых композиторов.

У нас есть преимущество, мы смотрим на Баха издалека, мы знаем, что, говоря о Бахе, мы имеем дело с гигантом. Не следует порицать добрых лейпцигских бюргеров за то, что они не сумели распознать чудо. Хотя бы потому, что в те годы стиль Баха считался тяжеловесным в сравнении с итальянской и французской музыкой. К тому же, когда Бах впервые ступил в церковь св. Фомы, большая часть его произведений еще не была написана. Он был признанным исполнителем и кантором, но даже как преподавателя его не принимали всерьез. Пусть, считали святые отцы, Бах учит своих собственных сыновей. И он их учил. Он дал им профессию, с которой они могли жить честно, доставляя удовольствие тем, кто за их работу платит. Служба в лучшем смысле этого слова. Из двадцати детей отца пережили только девятеро. Карл Филипп Эмануэль Бах, второй сын композитора, был приближен ко двору Фридриха Великого в Берлине. Несмотря на свою славу и благополучие, он остался преданным памяти отца: благодаря ему до нас дошла большая часть партитур композитора. Иоганн Кристиан Бах, младший сын, следом за Гендelem стал любимцем Лондона. Когда Моцарт впервые обратился к «великому господину Баху», перед ним стоял Иоганн Кристиан; сидя у него, «лондонского Баха», на коленях, Моцарт играл менуэты. Иоганн Кристиан разорился, пытаясь

пии. Хотя это стремление обречено на провал, поскольку утопии могут существовать лишь вне времени, а трагическое и несовершенное составляют неотъемлемую часть мира, в котором мы живем, мои стремления все же — отчасти и скромно — воплощались. Стечениe обстоятельств было в мою пользу; прежде всего я был наделен музыкальным даром, и мне повезло сделать музыку моей профессией... Мне кажется, что любую награду нужно заслужить, чтобы суметь ее оценить. Я могу позволить себе чувствовать удовлетворение, если сыграно хорошо, потому что это стало возможным лишь благодаря труду, которому я отдаю всю жизнь. Но, кроме удовлетворения, я должен еще чувствовать, что то, что я делаю, для чего-то нужно..."

Предлагаем вам прочесть отрывок из книги Иегуди Менухина «Музыка человека».

поддержать постановку своих опер; к несчастью, он не обладал превосходным гендельевским чутьем на вкусы публики.

Сыновья Иоганна Себастьяна Баха помогли вырасти новому поколению музыкантов. Только сегодня мы в полной мере осознали, сколь великий импульс дал музыке Бах-учитель. В Бахе соединилось все то, к чему европейская музыка шла пять сотен лет. Он — композитор и исполнитель, который мог сделать с понравившимся ему материалом все, что угодно. Он мог, взяв простые танцевальные ритмы, превратить их в сюиты и вариации. Мог развернуть свои темы в любом направлении, как блестящие он это делал в фугах. Мог собрать воедино несметное множество голосов и сделать так, чтобы каждый из них был отчетливо слышен, как в хоровом вступлении к «Страстям по Матфею». Мог перевоплотиться в виртуозного исполнителя на любом инструменте, так, как в

«Бранденбургских концертах». Мог превратить орган в инструмент, подходящий для любого самого тонкого оркестра. Все это мастерство он старательно передавал своим ученикам и детям.

Когда в средние века европейская музыка начала взросльть, композиторы, как правило, довольствовались тем, что обрамляли простое хоровое церковное пение мелодической и ритмической рамками. Способ этот известный, его двойников можно встретить и в музыке Африки, Ближнего Востока, Индонезии. В Европе, однако, этот процесс привел к иным результатам. С появлением Баха он получил невиданное развитие. Все отдельные, своеобразно красивые, как это было у Пёрселла, пласти Бах слил воедино, чтобы создать абсолютно гармоничное единство.

Баховские музыкальные структуры кажутся созданными первобытными силами природы: так формировалась земная поверхность — в противоборстве стихий и температур. Бах — сам себе закон, творец — в рамках установленных условностей — своего безошибочно точного языка, блестящий по глубине ума. Мы в состоянии воспроизвести все им созданное, но не сможем ни сравниться, ни тем более превзойти его в открытиях. Трудное слово «открытие». Открывал ли Бах? Создавал? Переосмысливал все, что было до него? Он сделал больше, он создал музыку, в которой соединились искусство и наука, музыку, которая одновременно тревожит человеческие сердца и приводит в порядок умы с помощью необходимого живого опыта, по глубине и силе которому нет равных.

Все это заметно в баховской фуге, одном из самых строгих и в то же время искренних жанров... Для меня фуга похожа на процесс нашего мышления. Мы мыслим сравнениями, аналогиями, то и дело возвращаемся назад по своим следам, переворачиваем все с ног на голову, мы мыслим параллелями, сопоставляя углы и скорости. Мы говорим: если верно это, то должно следовать то. Мы получаем результат, экспериментируя. Мы и вспоминаем и заглядываем вперед. Такова и фуга. Различные ее эпизоды развиваются по принципам логики и приводят либо к тупику, либо к результату. Замечательно в Бахе то, как естественно это в нем происходило. Он так владел формой, что мог импровизировать фуги на подсказанную кем-то походя тему. На обрывках нотных листов, которые он использовал как оберточную бумагу, люди находили фуги, в которые он вводил по две и даже по три отдельные музыкальные темы, сочетающиеся друг с другом и одновременно развивающиеся. Его последний и самый знаменитый цикл называется «Искусство фуги» и представляет собой как бы композиторский трактат об этой музыкальной форме. Сказанное в этом трактате универсально, истинно и неотвратимо, как движение звезд. Столь чистая музыка не создается порознь каждым инструментом отдельно. Его фуга — упражнение в построении конструкции и испытание этой конструкции: действительно ли в ней

зародилась жизнь? Повторение тем создает ощущение безопасности, но вся форма фуги не жесткая, в ней как в шахматах есть место и для личного, для спонтанного...

В XIX веке многие учителя не допускали своих учеников к баховским фугам, поскольку в них не соблюденны правила жанра. Конечно, не соблюдены — правила служат композитору, а не он служит им... Я был воспитан беспрекословно уважать намерения композитора, и мои старания понять их иной раз выводили меня на неведомые тропы. Я всматривался даже в почерк Баха. Его рукописи партитур могут открыть нетерпение, возбуждение, спокойствие, ясность мысли или бьющее через край веселье. Почек Баха восхитителен своей плавностью и изменчивостью рисунка. Баховский манускрипт можно заключить в рамку как замечательный абстрактный офорт.

Работая над партитурами шести сонат для скрипки, Бах, заканчивая одну большую часть, начинал следующую на том же листе. Он с самого начала видел все свое произведение целиком. В его творческом процессе не было ни перерывов, ни пауз. И в почерке Баха нет рывков беспокойного Бетховена.

Бах никогда не использовал технические приемы ради них самих. Он творил музыку только ради того, чтобы донести до слушателя чувство и образ. Джордже Энеску³, мой учитель, провел параллель между одной из частей его скрипичной сонаты, той, где музыка возвращается в тональность ре-минор, и образом плачущей Мадонны, трагическим, страдающим, которые высек Рименшнейдер⁴, величайший баварский скульптор средневековья. Музыка Баха, конечно,озвучна с образами тоски, страдания, боли и самоотречения, которые выражены во всей алтарной скульптуре, где Мадонна только ее часть, так же как чувства вообще неизменная часть человеческой жизни. Его музыка — мост между вечным и сиюминутным, между святым и преходящим.

Если бы Бах был государственным деятелем, может быть, ему бы удалось примирить враждующие силы своего времени, воюющих между собой лютеран и католиков. Бах переживал эту вражду через музыку. Он зашел так далеко, что сочинил полную католическую мессу, одно из его тончайших произведений, не считая более двухсот каннат и ораторий для лютеранской церкви. Терпимость, человеческий «ровный темперамент» и поныне остаются целями, к которым мы стремимся.

Перевел с английского
С. ВИКТОРОВ

¹ Пёрселл, Генри (1659—1695), английский композитор и органист.

² Гендель, Георг Фридрих (1685—1759), немецкий композитор.

³ Энеску, Джордже (1881—1955), румынский композитор, скрипач, дирижер, пианист и педагог.

⁴ Рименшнейдер, Тильман (1460—1531), немецкий скульптор эпохи Возрождения.

212/67

Наверное, точнее было бы перевести название этого альбома так: «На солнце не похожи», но в русском переводе, сделанном С. Я. Маршаком, 130-й сонет Шекспира начинается строкой «Ее глаза на звезды не похожи» и в таком виде уже стал фактом нашей поэзии. Строкой из шекспировского сонета назвал свою новую пластинку знаменитый рок-музыкант Стинг. Пластинка посвящена судьбам современных женщин, чьи глаза от усталости или от горя «на звезды не похожи». Одна из песен этого альбома — «Они танцуют в одиночестве» — рассказывает о женщинах Чили, которые танцуют, держа в руках портреты своих близких, убитых пиночетовской охранной.

«Почему эти женщины танцуют в одиночестве, почему у них в глазах такая печаль? Почему вокруг стоят солдаты с ка-

Why are these women here dancing on their own?
Why is there this sadness in their eyes?
Why are the soldiers here
Their faces fixed like stone?
I can't see what it is that they despise.

Припев:

They're dancing with the missing
They're dancing with the dead
They dance with the invisible ones
Their anguish is unsaid
They're dancing with their fathers
They're dancing with their sons
They're dancing with their husbands
They dance alone, they dance alone

It's the only form of protest they're allowed
I've seen their silent faces scream so loud
If they were to speak these words
They'd go missing too
Another woman on the torture table
What else can they do

Припев.

One day we'll dance on their graves
One day we'll sing our freedom
One day we'll laugh in our joy
And we'll dance

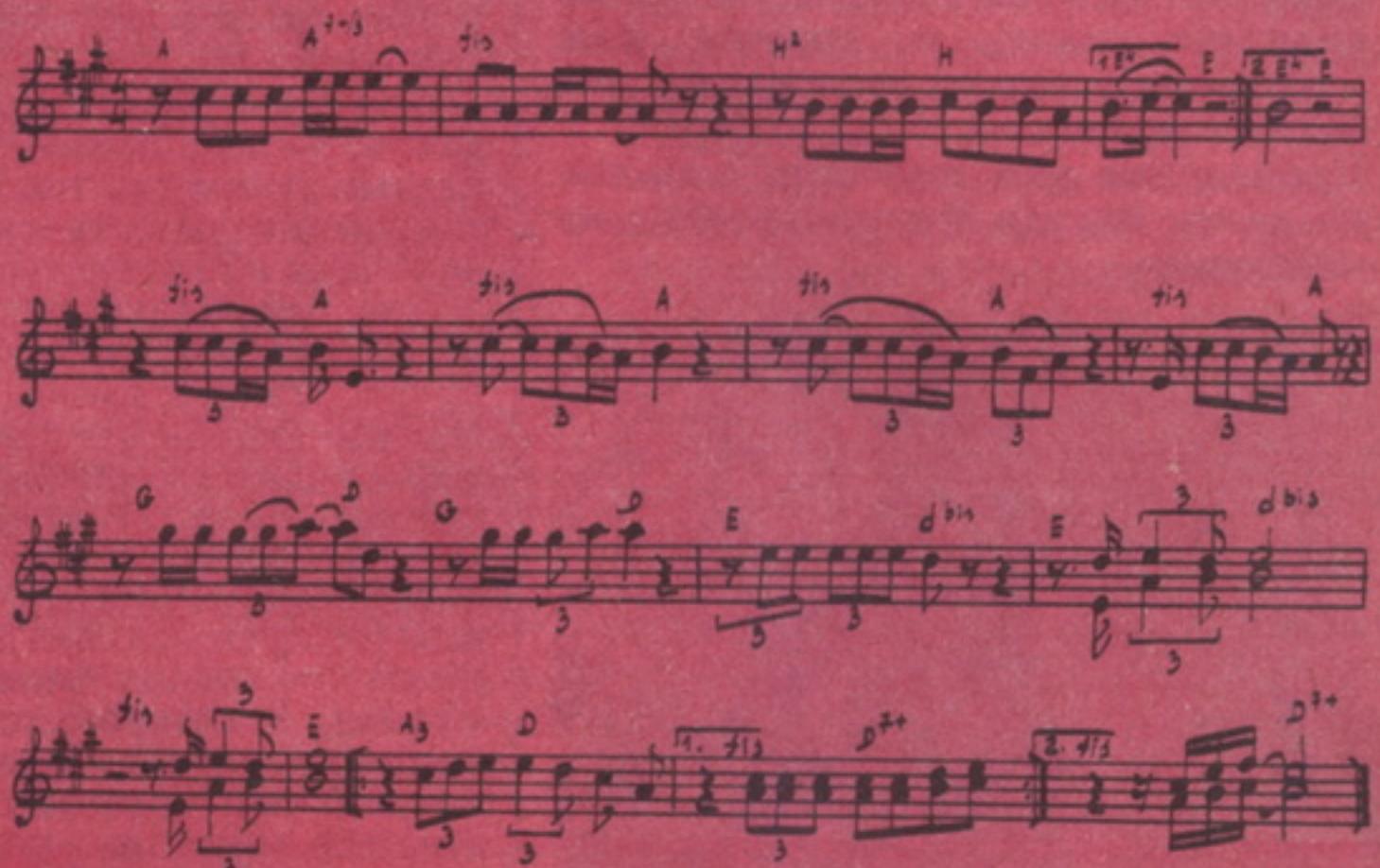
Hey, Mr. Pinochet
You've sown a bitter crop
It's foreign money that supports you
One day the money's going to stop
No wages for your guns
Can you think of your own mother
Dancing with her invisible son

Припев.

менными лицами? Эти женщины танцуют с теми, кто пропал без вести, они танцуют с теми, кто убит, с теми, кто невидим. Их муку не выразить словами. Они танцуют со своими отцами, сыновьями, мужьями, они танцуют в одиночестве.

Это единственная форма протеста, что им дозволена, но я видел их молчаливые лица — они кричат. А если б они произнесли хоть слово, они бы тоже исчезли; еще одна женщина в камере пыток — что же им делать?.. Но настанет день, когда мы спляшем на могилах палачей — эй, мистер Пиночет, можешь ли ты представить себе свою собственную мать, танцовщицу с твоим портретом?»

Альбом «На звезды не похожи» удостоен премии американских фирм грамзаписи «Грэмми» за 1987 год.

ДЕРЕСЧЕД

Взять немного «Крафтвекна» и «Тэнджен дрим», добавить ЭЛО, чуть-чуть «новой волны», нак следует перемешать, приправить (для пинкантности) некоторыми ходами из музыки Майка Олдфилда и получится... «Депеш мод». Без претензий на новизну, но слушается не плохо. «Музыка для всех» — так пресса окрестила манеру этой английской группы, и так «Депеш мод» называли свою последнюю пластинку. «А разве «для всех» — значит плохо?» — спрашивают Энди Флетчер, гитара, вокал; Аллан Уайлдер, клавишные; Дэйв Гэхен, вокал, и Мартин Гор, гитара, вокал.